

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 7-8 (435-436)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

28 Апреля 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Майское воззвание РСИ.
Р. Абрамович. Новый зигзаг.
Ф. Дан. Еще о внешней политике Сталина.
А. Югов. Благополучие и рост населения.
С. Шварц. Между городом и деревней.
В. Александрова. Философия советской искренности.
А. Штейн. К полувекью 1-го мая.

За границей: Письмо из Эстонии. — Переговоры о соц. единстве в С.Ш.А. — Новая программа норвежской партии. — Позиция итал. социалистов на случай войны. — 50-летие шведской социалдемократии. — Зигфрид Гансон (некролог).

По России: Осуществлена ли вторая пятилетка?
Из партии: Годовщина смерти Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода. — Постановление ЦД РСДРП (3 марта 1939 г.).

Фельетон: Г. Аронсон. Сталинский процесс против Мартова.

Extrait du Sommaire: L'I.O.S. pour le 1er mai. — Articles de R. Abramovitch sur la situation internationale; de Th. Dan sur la politique extérieure de Staline; de A. Jugow sur les données du recensement général en U.R.S.S.; de S. Schwarz sur les kholhoses comme fournisseurs de la main-d'œuvre industrielle; de V. Alexandrova sur les courants idéologiques en U.R.S.S.; de A. Stein sur le cinquantième du 1er mai. — Notice sur l'exécution du deuxième plan quinquennal; sur l'anniversaire de la mort de J. Martow et Paul Axelrow; sur l'unité socialiste aux Etats-Unis; sur le nouveau programme du parti norvégien; sur le cinquantième du parti suédois, etc...

Майское воззвание Рабочего Социалистического Интернационала

РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН!

Испанская республика пала; чехословацкая республика разгромлена; вихрь войны продолжает опустошать Китай; над всей Европой нависла грозная военная опасность; — такова удручающая обстановка, в которой вам, рабочие всех стран, приходится встречать праздник 1 мая.

Нашим испанским братьям посвящена наша первая мысль. С глубокой скорбью склоняем мы перед ними наше знамя. Они защищали республику против деспотизма, демократию против диктатуры, права человека против фашизма, права рабочих против государственного рабства. Потому и ополчился на них весь темный мир реакции. Фашисты боялись, что победоносная республика станет крепостью европейской свободы. Финансовые магнаты боялись, что победоносная республика станет крепостью мирового социального прогресса. Под прикрытием страусовой политики не-

вмешательства, провозглашенной демократическими государствами, обе великие фашистские державы Европы мобилизовали свою гигантскую военную машину против испанской республики: напоенная кровью испанская земля стала ареной самой грандиозной классово-битвы нашего времени.

Почти тридцать три месяца испанские рабочие и крестьяне оказывали сопротивление противнику, вооруженному бомбовозами, танками и тяжелой артиллерией. Голод, осаду, блокаду, убийственные воздушные налеты — все переносили они. История человечества не знает столь героического примера борьбы народа за свободу.

Пали неисчислимые жертвы. Но это жертвы бесценные. Их героизм запал глубоко в сердца рабочего класса, он будет питать волю всех народов к свободе и прежде всего будет он непрерывно разжигать волю к свободе самого испанского народа. Народ, показавший, на какие гигантские жертвы способен он во

ния свободы, не примирится с порабощением. Победа иностранного фашизма над испанской свободой будет кратковременной.

Испанская республика потерпела поражение. Но она не умерла!

Да здравствует испанская республика!

Погибла и Чехословацкая республика. Она была крепостью демократии в Средней Европе. Она была готова бороться за свою свободу и независимость. Покинута союзниками и полагаясь на гарантии, данные ей державами Мюнхенского пакта, она без сопротивления подчинилась первому разделу. Но повелители Германии еще раз нарушили данное ими слово; они разорвали Мюнхенский пакт; они обрушили свою армию на совершенно обесиленную страну; они сделали ее колонией Германской Империи и превратили десять миллионов храбрых чехов и словаков из гордых сознанием своего человеческого достоинства граждан в рабов германских фашистских завоевателей. Издевательски провозгласил Гитлер: «Чехословацкая республика перестала существовать».

Но тысячелетняя история чешского народа — красноречивая свидетельница его неистребимой воли к свободе. Его не сломали ни насилие, ни подачки Габсбургов. Его не сломит и Гитлер. Он никогда не перестанет думать о низвержении ненавистного чужеземного фашистского ига и готовится к часу освобождения. И этот час наступит. Будущность чешского народа Гитлер спаял с победой германской революции.

В своей борьбе за отвоевание своей свободы и независимости чешский народ может быть уверен в искреннем сочувствии и солидарности социалистических рабочих всех стран. Социализм возвышал свой голос в защиту раздробленной, порабощенной Польши, в защиту угнетенных народов всех рас и наречий; он мобилизует все свои моральные силы и в защиту Чехословакии, порабощенной фашизмом.

Чехословацкая республика потерпела поражение. Но она не умерла!

Да здравствует чехословацкая республика!

Судьбы Абиссинии, Испании, Китая, Австрии, Чехословакии, Мемеля, Албании с ужасающей внушительностью показали всем народам, что ждет их, если фашизму не будут противопоставлены превосходящие его силы.

Опираясь на грубое насилие или даже лишь на угрозу насилием, он нападает внезапно на мирные народы, ввергает их в опустошительные восстания и войны, разрушает их города, уничтожает их независимость, подчиняет их чужеземному господству.

До разгрома Чехословакии завоевательные походы фашистских великих держав на Абиссинию встречали лишь слабое сопротивление, а на другие страны и вообще никакого сопротивления со стороны правительств обеих великих западных демократий. Правительства эти отказались от системы коллективной безопасности, разрушили Лигу Наций и открыли дорогу к возрождению старой анархической политики силы, в свое время приведшей уже к мировой войне. Практикуя политику отступления, они пожертвовали Австрией, согласились в Мюнхене на расчленение Чехословакии и выдали с годовую Испанию.

Но каждая капитуляция перед фашизмом превращалась в преддверие его новых триумфов. За аннексией

Австрии Гитлером последовала аннексия Чехословакии; за нею последовала аннексия Мемеля и тотчас-же вслед за нею угроза Польше. За завоеванием Абиссинии Муссолини последовало завоевание Испании и тотчас-же — вызов по адресу Франции. Каждое завоевание фашизма подстрекает его к новым завоеваниям.

Угроза свободе и миру может быть отвращена лишь коллективной силой угрожаемых народов. Система коллективной безопасности должна быть восстановлена, чтобы

положить предел дальнейшим завоевательным походам фашизма;

восстановить господство международного права;

обеспечить всесветный мир.

Пятьдесят лет тому назад, 14 июля 1889 года, собрались в Париже представители рабочих Европы и Америки, чтобы вновь основать Социалистический Интернационал. Этот конгресс сделал 1-ое мая днем боевого праздника рабочих всех стран.

В празднуемый в нынешнем году 50-й день рождения этой знаменательной манифестации международного социализма проступают яснее, чем когда-либо, две расходящиеся линии развития в судьбах рабочего класса.

В странах, не испытавших непосредственно ужасов мировой войны, наиболее ярким примером которых могут служить скандинавские страны и Новая Зеландия, рабочие партии отвоевывали шаг за шагом новые позиции, стали, в конце концов, наиболее влиятельным фактором, дали миру великие и внушительные образцы созидательной социалистической работы и сделались центром притяжения для все новых и более широких народных масс.

Наоборот, в странах, наиболее глубоко потрясенных мировую войною, все нагнее стал поднимать голову фашизм, эта опаснейшая форма контр-революции, и вновь превратил в груды развалин все гигантские завоевания, сделанные в этих странах рабочим классом в тяжелой, упорной борьбе.

Но эти поражения демократии разбудили новые силы сопротивления. Негодование, вызванное в широких народных массах демократических стран капитуляцией их правительств перед фашизмом, заставило, после падения Чехословакии, вернуться к политике коллективной безопасности. Судьбы Чехословакии настойчиво вбивали в сознание и малых демократических стран понимание угрожающих им опасностей. Коллективная политика мира, провозглашенная в момент нависшей над Польшей опасности, может стать событием величайшего исторического значения, если носителями ее станут Великобритания, Франция и Советский Союз. Если все угрожаемые страны останутся тверды, разбойничьим фашистским мечтам о господстве над миром придет вскоре конец. Поэтому пакт мира является надежнейшей гарантией всесветного мира. Неудержимее, чем когда либо, должен рабочий класс ныне всеми силами добиваться

международной акции для обеспечения мира.

Полтора столетия тому назад французская революция провозгласила великие принципы свободы. А сейчас ночь фашистского варварства угрожает этим идеям свободы, без которых жизнь теряет смысл и ценность. Наследие борьбы за свободу перенимает рабочий

класс. В политических битвах всего мира он принес на алтарь свободы бесчисленные жертвы, и десятки тысяч наших товарищей томятся за нее в концентрационных лагерях и тюрьмах фашизма.

Будем защищать священное наследие лучших сынов человечества! Будем защищать свободу там, где она находится под угрозой, бороться за нее там, где она подавлена! Будем наполнять свободу и демократию со-

Р. АБРАМОВИЧ.

Новый зигзаг

Начиная с сентябрьских дней 1938 г. Европа не перестает переживать состояние перманентной лихорадочной тревоги, лишь на короткое время прерываемое моментами относительного успокоения. Дамоклов меч нависшей над человечеством опасности войны не только разрушает экономические и психологические устои с таким трудом налаживающегося после небывалого кризиса периода относительной стабилизации, но и сам становится фактором военной опасности: постоянное ожидание войны доводит нервы до крайнего напряжения и заставляет многих думать, что лучше «ужасный конец» чем «бесконечный ужас».

Странно сказать, но после Мемеля и Албании по Европе пронеслась как бы волна облегчения: положение предельно выяснилось, и наступала какая-то развязка. Поворот в английской внешней политике начал принимать реальные и конкретные формы и немедленно стал давать ощутительные результаты. Анти-тоталитарный блок начинал принимать определенные очертания и переходить от обороны к наступлению. В лагере фашизма стала проявляться некоторая растерянность, стала обнаруживаться, — прикрытая, конечно, сильными фразами, — тенденция к колебанию и отступлению.

В этот критический для тоталитарного блока момент раздался призыв президента Рузвельта. В первую минуту призыв этот был воспринят общественным мнением всего мира как сильный моральный удар по тоталитарным агрессорам. Да и в самих странах фашизма это так было воспринято. Но действительность часто преподносит странные парадоксы. При той крайней медлительности и нерешительности, с которой совершается поворот в общественном мнении консервативных кругов Англии и буржуазных слоев Франции, при тех естественных колебаниях, которыми сопровождается присоединение угрожаемых «осью» мелких государств к англо-французскому блоку, обращение президента Рузвельта сыграло двойную роль. С одной стороны, оно во всем мире и прежде всего в самой Америке несомненно мобилизовало моральные силы сопротивления против тоталитарных захватчиков; но с другой стороны — оно облегчило Гитлеру и Муссолини организацию дипломатического контр-наступления. Основываясь на дословном тексте Рузвельтовского запроса, Гитлер смог разослать свой знаменитый «вопросник», выиграть время и внести колебания в среду и без того колеблющихся мелких государств, которые после трагической участи Чехословакии и Албании не слишком склонны доверять бумажным декларациям, а требуют более ощутительных и веских гарантий на случай нападения.

Между тем реальные гарантии дело не такое простое. Ибо действительно реальными эти гарантии могут стать только в том случае, если «демократическим» государ-

ственным содержанием! Только в свободе могут народы воздвигнуть строй всесветного мира! Только в свободе может восторжествовать социализм!

Да — дравствует свобода!

Да дравствует международный социализм!

Начало апреля.

БЮРО

Рабочего Социалистического Интернационала.

ствам удастся создать совершенно непрерывную, сплошную цепь обороны вокруг Германии и Италии, и если цепь эта окажется в силах эффективно вмешаться в события в каждый нужный момент на каждом угрожаемом участке тронта.

Но в этой цепи имеются несколько чрезвычайно слабых звеньев. Наиболее слабым звеном в настоящее время является, повидимому, Югославия. Спущенное между гитлеризированной бывшей Австрией на севере и италянизированной Албанией на юге, окруженное Венгрией и Италией, запертое в Адриатическом море, как в мышеловке, государство это, всем своим существованием обязанное победе Антанты, еще несколько месяцев тому назад бывшее одним из оплотов Малой Антанты, ныне фактически превращено в безвольного вассала итало-германского блока и, по газетным сведениям, будет даже вынуждено присоединиться к «антикоминтернскому блоку». Тем самым фактически срывается балканский блок, который мог бы быть противопоставлен могучему экономическому и военно-дипломатическому натиску тоталитарного блока на Балканах. Но еще и второе из балканских государств Малой Антанты, Румыния, попало в тяжелое положение, и не перестает вести политику колебаний, несмотря на английскую гарантию. Дело в том, что эта гарантия сама по себе не в состоянии спасти Румынию от разгрома в самом начале войны. Немедленную и реальную помощь в случае соединенного германо-венгерско-итальянского (и болгарского?) нападения Румынии могла бы оказать, не считая Польши, которая сама под ударом, только Россия. Но советская дипломатия до сих пор держит себя уклончиво, а с другой стороны русская помощь может, принимая во внимание Бессарабский вопрос, оказаться, с точки зрения Румынии, обоюдоострым оружием. В аналогичном положении по отношению к Советскому Союзу находится и Польша. Несмотря на весь свой страх перед Германией, внимание которой устремлено на Даниг, корридор, Одерберг, и в планы которой безусловно входит расчленение Польши, Польша как огня боится вступления русских, хотя бы даже союзных, войск на польскую территорию. Ибо какая у Польши может быть гарантия, что Сталин потом мирно уберет свои войска домой, а не попытается, как то было уже не раз, реализовать в многонациональном польском государстве с его внутренними межнациональными трениями, «самоопределение» украинцев, белоруссов и т. п.? «Албанская» политика большевиков по отношению к Грузии 1921 г., зинovieвский путч в Эстонии, сталинская политика молдавской, корельской и др. демонстративных пограничных «республик» сейчас поворачиваются своей другой стороной... И потому Польша категорически отказывается от пропуска русских войск через свою терри-

торию, с трудом соглашаясь, повидимому, даже на «кооперацию» в области авиации. Румыния по слухам склонна согласиться на пропуск русских войск, но требует при этом англо-французских гарантий (уже не против Германии, а по отношению к союзнице-России), и в ожидании их Гафенко ведет переговоры на обе стороны.

Сплочение анти-тоталитарных сил, которое, не по идеологическому водоразделу антифашизма, конечно, но по линии национально-государственных и территориальных противоречий, начало было происходить в Европе, шло и так лишь очень робкими и медленными шажками по сравнению с молниеобразным и целеустремленным динамизмом германо-итальянского блока. Теперь оно еще более замедлилось, благодаря выступлению Рузвельта.

Дипломатия Чемберлена, внешне построенная на «доверии» к «джентельменским» обещаниям Гитлера и Муссолини, фактически строившаяся на убеждении, что Германия и Италия удовлетворятся экономическими крохами со стола старых «империй», вынуждена была убедиться на горьком опыте, после Праги, Мемеля и Албании, что она в корне ошиблась в понимании сущности тоталитаризма и тенденций политики Гитлера и Муссолини. Она начала понимать, что речь идет не о чем ином, как о «черном переделе» мира, — переделе, главными жертвами которого, в конечном счете, должны оказаться те же империи. Но это новое понимание только очень туго и медленно проникает в господствующие круги консервативной партии. И до сих пор в ней еще не изжиты окончательно иллюзии относительно возможности «оторвать» Муссолини от Гитлера, как и Франко от обоих предыдущих. Этим объясняется тот непостижимый на первый взгляд факт, что Англия, несмотря на грубое нарушение Италией статус кво в Средиземном море албанской авантюрой,

согласилась, вопреки очевидности, считать, что никакого нарушения англо-итальянского договора не произошло, и что сей договор полностью сохраняет свою силу. Этими неизжитыми иллюзиями и внутренним сопротивлением против перехода к активной политике борьбы против фашистских диктаторов объясняется и упорное уклонение кабинета от создания специального министерства военного снабжения, объединяющего армию, флот и авиацию, — мера, которую все специалисты военного дела считают делом первой необходимости в случае действительной военной опасности. А созданное в результате борьбы внутри правительства полу-министерство (для снабжения одной только сухопутной армии!) поручено человеку, главным достоинством которого является знание целого ряда языков. К той же категории явлений надо отнести и знаменательный факт, что английский посланник, отозванный было из Берлина после разбойничьего набега германских войск на Прагу, вновь вернулся в Берлин. Правда, официозные комментарии приглашают не делать из этого вывода об изменении общей линии политики Англии, но факты всегда сильнее комментариев. Конечно, о новом повороте в политике Англии говорить пока еще не приходится, но то, что происходит, это именно не новый поворот, а продолжение той самой политики нерешительности, половинчатости и колебаний, которая принесла до сих пор столько печальных результатов.

Спасти мир, если это вообще еще мыслимо при том скольжении по наклонной плоскости агрессивного империализма, которое, повидимому, является имманентным для фашистских диктатур, или победить в борьбе, если война окажется неустранимой, можно только путем предельной концентрации всех сил, государств и стран, которые по тем или иным соображениям вынуждены защищать свое существование от appetitов фашистских угнетателей и тоталитарных «переделщи-

ГРИГОРИЙ АРОНСОН.

Сталинский процесс против Мартова

Исторический эпизод, восстановить который в памяти читателей является задачей настоящего очерка, — относится к «героической» эпохе большевистской революции: он целиком укладывается в рамки календаря за апрель 1918-го года. Отметим прежде всего некоторые характерные особенности тогдашнего «текущего момента».

К весне 1918-го года решающие «центры» революции: Ц. К. большевиков, Совнарком, ВЦИК Советов совершили переселение из Петербурга в Москву, — с этого времени начинается «московский период» новейшей истории России. Вслед за правительственными кругами потянулись в Москву и те немногие, действовавшие на политической арене, оппозиционные деятели и группы, которые еще находили себе убежище в скромных порах советской легальности. Оставив в Петербурге «Бюро» Ц. К., руководящие круги нашей партии также переехали в Москву: к этому времени там уже находились Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, Р. А. Абрамович и некоторые другие товарищи, еще входившие в состав ВЦИК Советов (исключение РСДРП из ВЦИК относится к несколько более позднему времени), активно выступавшие на собраниях и в печати от имени РСДРП и пользовавшиеся весьма большим влиянием в широких рабочих массах Москвы, вызывая и недовольство, и замешательство среди большевиков,

Внутрипартийная борьба «правых» и «левых», вчерашних оборонцев и интернационалистов, то затухавшая, то вновь разгоравшаяся в первое полугодие после «октября», к весне 1918 г. значительно ослабела, сближая враждовавшие между собой крылья. Эпоха Брест-Литовского мира в общем содействовала консолидации партии и облегчала возможность дружной политической акции. В то же время и в широких рабочих массах, вначале как бы застигнутых врасплох большевизмом, как бы эпатированных пестрым, ярким букетом максималистских лозунгов правительства Ленина-Троцкого, — под влиянием собственного драматического опыта и успешной пропаганды социалдемократии, стало возникать критическое отношение к «октябрю» и отталкивание от него, стала возрождаться активность, еще недавно скованная большевистским гипнозом. К этому времени относится подъем движения уполномоченных от фабрик и заводов, зародившегося под свежим впечатлением разгона Учредительного Собрания (январь), захватившего почти все крупные центры и впоследствии (июнь-июль) раздавленного в крови спохватившейся властью. Как раз на март-апрель выпали выборы в Советы, и почти повсюду меньшевикам и эсерам удалось оттеснить большевиков, уже растративших к этому периоду значительную часть своих связей и симпатий в широкой массе рабочих; большинство в Советах

ков мира». Но такого рода концентрация осуществима лишь при крайнем напряжении воли к борьбе, энергии, решимости, лишь при предельной готовности к жертвам и риску. Перед лицом дряблости и половинчатости значительных частей господствующих классов, ведущую и толкающую роль в этом собирании сил должны взять на себя повсюду представители организованного пролетариата. Это их долг рассеивать вредные и опасные иллюзии насчет возможности полюбовного соглашения с фашистскими государствами на экономических или иных конференциях; это, в частности, обязанность Рабочей Партии в Англии, ведущей за последние два года мужественную и достойную политику, еще с большей энергией чем до сих пор содействовать усилению анти-тоталитарных тенденций в политике Англии и, в частности, взять на себя ответственность за введение

традиционно - непопулярной в англо - саксонских странах воинской повинности: ибо только эта мера действительно увеличит в нужной степени оборонный потенциал страны и продемонстрирует с полной убедительностью непреклонную волю великой страны к борьбе до конца.

Организация действительной, а не бумажной коллективной безопасности Европы от фашистской агрессии не может быть осуществлена при пассивно-выжидательной политике пролетариата, построенной на максиме «моя хата с краю». Он слишком крупная величина во всех отношениях, слишком важный действенный фактор государственной и общественной жизни, чтобы дело обошлось без него. А так как время не терпит, так как приближается поистине «двенадцатый час», то нельзя больше терять ни минуты.

Ф. ДАН.

Еще о внешней политике Сталина

Когда эти строки появятся в печати, Советский Союз будет, вероятно, уже так или иначе формально включен в ту систему защиты востока и юго-востока Европы, которую, после разгрома Чехословакии, начало воздвигать английское правительство, увлекшее на этот путь и правительство Франции.

Мне уже неоднократно приходилось говорить (да об этом давно уже сказали и так наз. «тезисы» Бауэра и др., с одной стороны, нашей Загр. Делегации, с другой), почему именно Советский Союз может и должен сыграть громадную роль в той борьбе с фашизмом, которая ныне приближается как будто к критическому моменту, и почему все тенденции к изолированию Советского Союза от этой борьбы, — все рав-

но, исходят ли они изнутри его или навязываются ему извне, — могут приобрести поистине роковое значение для хода и исхода ее.

С этой точки зрения можно сейчас, не без горькой иронии, сказать: не бывать бы счастьем, да несчастье помогло! Политика отступления перед фашизмом, дистанцирования от большевизма, вытеснения его с международной арены и попыток канализировать «динамизм» фашистского «треугольника» в сторону СССР создала, в конце концов, для самой капиталистической буржуазии великих демократических держав такую угрозу войны и, что еще хуже, сокрушительного разгрома в этой войне, что Советский Союз становится для нее подлинным якорем спасения: преодолевая свое

в очень многих городах было завоевано социалистической оппозицией. Выброшенный большевиками лозунг: «вся власть Советам!» вновь создал для них весьма парадоксальную ситуацию. Но особенно бил по большевизму с его ставкой на «диктатуру пролетариата» тот факт, что собрание уполномоченных от фабрик и заводов, как и профессиональные союзы, стали вновь, — страшно сказать, — как в первый период февральской революции, — бастионом меньшевистской социалдемократии.

В этот период весны 1918 года авторитет Ю. О. Мартова стоял чрезвычайно высоко и за пределами нашей партии. Его политические выступления, речи и статьи привлекали к себе всеобщее внимание в революционной и социалистической среде, — и не только в рядах оппозиции: все, что было наиболее вдумчивого и совестливого среди большевиков (правда, и тогда таких элементов было не слишком много), прислушивалось к голосу одного из создателей еще недавно общей социалдемократической партии. Но, пожалуй, еще выше нежели политический, — был моральный престиж Мартова. Именно моральная сила, которой дышали личность и речь Юлия Осиповича, придавала в это тяжелое время особенную значительность и крупное влияние той идейной работе в массе рабочих и в кругах интеллигенции, которую с напряжением всей своей энергии вела меньшевистская партия. Нельзя забывать, что именно в эту весну Мартов выступил со своим знаменитым и мужественным протестом «Долой смертную казнь», — единственным в то время протестом против расстрелов. В известном смысле и для определенных кругов значение этого выступления Мартова можно сопоставить с ролью,

сыгранной толстовским «не могу молчать!», — этой горьчайшей моральной отповедью разгуду столыпинской реакции с ее «галстуками», с ее «семью повешенными». Быть может, уместно тут подчеркнуть, что выступление Мартова против смертной казни имело место как раз тогда, когда большевистский наган был направлен против русского офицера, адмирала Шасного, — вероятно, человека, о котором никто не скажет, что он был другом рабочих и социалистов...

«Легальные возможности», которыми располагала в это время оппозиция, были довольно велики, — особенно, если сравнить их с тем, что было дальше. Социалдемократия имела еще свои органы печати: в Москве выходил «Вперед», в Петербурге — «Новый Луч» (да и другие оппозиционные, даже буржуазные, издания выходили еще в течение нескольких месяцев). В атмосфере роста разочарования в рабочем классе, на фоне похмелья, охватившего даже некоторые большевистские круги, уже оправившиеся от угара, в условиях нарастающей активности оппозиции, — власть не решалась еще ни взять в железа всю нашу партию, ни обрушить бичи и скорпионы на лидеров меньшевизма. Теперь уже известно, что в Ц. К. большевиков царил тогда безудержная разногласия, почти междуусобица. Ведь по вопросу о Брест-Литовском мире сам Ленин оказался в меньшинстве, позицию Троцкого нельзя иначе определить, как дезориентацией, а «партизанщину» Бухарина можно только воспринять, как жест отчаяния. Положение большевистской партии было незавидное: в продовольствии, в промышленности, в транспорте — сплошная разруха. Рост недовольства в массах. Усиление активности оппозиции. А тут еще «похабный» мир, так

социальное («идеологическое», сказал в своей речи от 13 апреля Чемберлен, употребляя это стыдливое выражение, которым почему-то и многие социалисты предпочитают затушевывать brutальный факт «гегемонии» мотивов классово-борьбы и во внешней политике современной капиталистической буржуазии) отталкивание от СССР, она видит себя вынужденной апеллировать к его помощи для защиты своих европейских и мировых позиций, пробивая тем самым брешь в той политике изолирования его, которую ее-же государственные деятели систематически проводили за последние 2-3 года.

Конечно, было бы величайшей иллюзией думать, что отныне мотивы социального отталкивания от Советского Союза (как и мотивы социального притяжения к фашизму) перестанут действовать в международной политике Лондонского Сити. Немедленное опубликование той англо-франко-советской декларации, о которой зашла было речь сейчас-же после разгрома Чехословакии, не только преодолело-бы близорукие колебания Польши и Румынии, но и создало бы уже месяц назад анти-фашистский фронт на востоке и юго-востоке Европы и тем, быть может, помешало бы фашизму занять те новые позиции (Албания, Мемель, Марокко), которые он успел занять за этот месяц. Вместо этого колебания Польши и Румынии послужили для политиков капиталистической буржуазии великих демократических держав предлогом для затягивания, а затем и ликвидации пресловутой «декларации». Эти политики, несомненно, и сейчас лишь нехотя, лишь с насилием над собою протягивают руку за помощью к Советскому Союзу, и есть все основания опасаться, что они постараются свести к минимуму политическое и военное содержание своей коалиции с ним, что они будут и на советском фронте вести себя так-же непосредственно и нерешительно, с таким-же роковым

отставанием от хода и требований событий, как они вели себя (а во многих отношениях и продолжают вести) на фронте фашистском. Но как на фашистском фронте капиталистической буржуазии пришлось, в конце концов, все же проглотить горькую пилюлю сопротивления, так приходится ей и на советском фронте глотать еще более горькую для нее пилюлю коалиции с Советским Союзом. После-мюнхенские «несчастия» не могли не умудрить ее до известной степени и не создать в этом смысле более благоприятной международной ситуации для Советского Союза.

Как использует это улучшение ситуации сталинская диктатура? Ответ на этот вопрос имеет громадное значение для той роли, которую сможет сыграть Советский Союз в борьбе с фашизмом — за спасение мира, который может быть спасен лишь решительным отпором всем новым притязаниям фашистских режимов, подготовляющим их революционное низвержение, или за военный разгром этих режимов, если они все-же обрушат военную лавину на Европу и за нею на весь мир. Роль-же эта, в свою очередь, может иметь решающее значение для судеб демократии, социализма и мира и в самом Советском Союзе и на всем земном шаре.

Вот почему как раз те, кто убежден, что Советскому Союзу «много дано» в ту катастрофическую, переломную эпоху, в которую вступает (вернее — уже вступило) человечество, имеют все основания и «много спрашивать» с него, т. е. подходить к оценке внешней политики сталинской диктатуры не с узким масштабом непосредственных «польз и нужд» сегодняшнего дня, а с широким масштабом больших исторических перспектив и задач: быть «деляческой (употребляю выражение, излюбленное сталинцами и так часто применяемое ими заведомо злобно и недобросовестно!) политика революционного государства в такую эпоху не имеет права!

заметно урезавший зону революции. К этому времени относится проект Ленина — на крайний случай покинуть Москву и окопаться в Урало-Кузнецкой Советской Республике. Момент был абсолютно неподходящим для расправы с меньшевизмом!

Вот тогда, видно, и возникла в руководящих кругах большевизма мысль инсценировать суд над Мартовым и таким образом нанести удар в спину социалдемократии. Совершенно естественно, что раз надо было прибегнуть к «подлому» методу, к удару в спину, — то на сцену появляется Сталин, который в ту пору еще благополучно пребывал на исторических задворках. У него, правда, были особые основания будировать, так как в одной из своих статей в газете «Вперед» Мартов привел кое-какие неприятные детали из кавказской биографии Сталина. Мартов «обидел» Сталина, и последний, состоя в чине народного комиссара по делам национальностей, призвал на свою защиту советский закон и советского судью. Так в апрельские дни 1918 года Московский Ревтрибунал судил и вынес «порицание» Мартову, — порицание «за легкомысленное обращение с печатным словом». Пользуясь материалом «Нового Луча», я попытаюсь воспроизвести перипетии этого суда над Мартовым, учиненного в угоду обиженному Сталину, перипетии, довольно любопытные для характеристики эпохи первого года большевистской революции.

Из действующих лиц этого исторического эпизода перед нами пройдут в своем типическом виде здравствующий Сталин и покойный Свердлов, а также большевики Сосновский и Крыленко, милостью Сталина превращенные также в покойников, — мертвых или живых,

**

К иллюстрации «текущего момента» однако трудно удержаться от того, чтобы не привести газетную информацию того времени, относящуюся непосредственно к Мартову. В марте в Москве распространился слух о том, что Ю. О. Мартов — убит. Напечатала этот слух газета «Мысль». Вот что писал Мартов в «открытом письме правителям Москвы» в газете «Вперед» по этому поводу:

«Вам угодно было закрыть газету «Мысль» за сообщенный ею ложный слух, будто я убит. В качестве журналиста, извещавшего на собственной шкуре прелести той «свободы печати», которой наслаждается «коммунистическая Россия», я самым решительным образом протестую против того, что мое имя косвенно припутывается к новому акту насилия над прессой. Закрыть газету за опубликование слуха об убийстве оппозиционного политического деятеля несомненно много легче и проще, чем позаботиться об устранении условий, при которых слухи об убийстве оппозиционных деятелей не только почти каждодневно возникают, но и представляются достаточно правдоподобными». («Новый Луч» от 22 марта).

А теперь, не поддаваясь соблазну дальнейших отступлений аналогичного характера, перейдем к суду над Мартовым, — к непосредственной теме нашего очерка.

В «Новом Луче» от 4 апреля была напечатана заметка в отделе «На внутреннем фронте», в которой сообщалось следующее:

«Мартов получил повестку, которой он приглашается на публичное заседание комиссии (следственной?) 5-го апреля в качестве обвиняемого по обвинению в напечатании в № 51 «Вперед» от 31 марта статьи, содержащей ложные сведения о деятельности Сталина».

**

Одновременно с политикой насильственного вталкивания Советского Союза в изоляцию и попыток отвода в его сторону воинствующего гитлеровского «динамизма» мне пришлось сейчас-же после Мюнхена отметить наличие и внутри самого Советского Союза изоляционистских тенденций, носителем которых, как и всех контр-революционных тенденций развития советского общества вообще, является сталинское единодержавие*).

О наличии этих тенденций и их силе можно заключать не только «от противного» — от систематического замалчивания советской печатью решающего (и для всего рабочего социализма, и для самого Советского Союза решающего!) значения назревающего столкновения между фашистским, германо-итало-японским и демократическим, англо-франко-американским империализмом. Их наличие и их сила (а кстати и их действительный «отец»!) были демонстрированы перед всем светом основным тоном внешне-политической части доклада Сталина на съезде ВКП: в этом докладе не только не было ни слова о значении конфликта между фашистскими и демократическими государствами капитализма с рабоче-социалистической, и специально-советской точки зрения; в нем не только весь конфликт изображался как чуть ли не домашнее дело Англии-Франции-Америки, мало касающееся советской страны; но по адресу этого нового «тройственного Соглашения» и его прессы бросалось обвинение в желании «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»: не фашистская «ось»

*) См. статьи «На мюнхенском перепутье» и «Международные перспективы Советского Союза» в № 19 «С. В.» от 15 октября 1938 г.

и не фашистский «треугольник» (теперь, с присоединением Франко, надо говорить уже, в сущности, о «четыреугольнике»), а их противники объявлялись отравителями международной атмосферы и провокаторами войны! И вполне в духе этих откровений было появившееся чуть не в самый день оккупации Албании Италией сообщение советского агентства, в котором сталинское правительство сочло нужным именно в этот момент опровергнуть слухи не только об его обещании прийти на помощь Польше и Румынии в случае нападения на них Гитлера, но и о намерении его прекратить на этот случай подвоз советского военного сырья в Германию! Что уже после Мюнхена сталинское правительство нашло возможным заключить договор об усилении ввоза этого сырья (нефть, марганцевая руда и т. п.) в Италию, — это общеизвестно, как общеизвестно и то, что случившийся уже после сталинского доклада разгром Чехословакии был обойден на партийном съезде, заседавшем после того еще целую неделю, полным молчанием!

За самое последнее время намечаются как будто кое-какие симптомы поворота к лучшему. Правда, и поныне ни «Правда», ни «Известия» не поместили ни одной руководящей статьи о международных событиях, которая обосновала и разъяснила бы внешне-политическую позицию сталинского правительства. Но, по крайней мере, в одной из обзорных статей, помещенной в «Известиях»*), автор высказывается за возвращение «на позиции действительной коллективной безопасности и борьбы с агрессией, как таковой, независимо от того, в каком пункте она возникает», и уверяет, что «в таком случае они (Англия и Франция) могут рассчитывать на полную поддержку СССР. С другой стороны, коа-

*) Евг. Александров, «В европейских джунглях». См. «Известия» от 2 апреля.

К «повестке» был приложен текст заявления Сталина в Революционный Трибунал. Вот что писал Сталин в Ревтрибунал:

«В газете «Вперед» в номере 51-ом за подписью Мартова напечатана статья «Об артиллерийской подготовке», в которой между прочим говорится, что Сталин в свое время был исключен из партийной организации за причастность к экспроприациям. Считаю нужным по этому поводу заявить, что я, Сталин, никогда не судился партийной организацией и тем более исключался из последней. Рассматривая брань Мартова об обвинении, как бесчестную выходку потерявшего равновесие человека, на голову разбитого в открытом политическом бою и теперь в отчаянии хватающегося за последнее средство — грязную клевету, прошу привлечь Мартова за клевету в печати. Сталин».

Меньшевистская газета довольно подробно рассказывает о суде над Мартовым, состоявшемся 5-го апреля в Рев. Трибунале «по обвинению его комиссаром по национальным делам Сталиным в клевете». Обвинителем выступает сам «потерпевший» Сталин и большевик Сосновский. В качестве представителей защиты явились Лапинский и Александров (последний — рабочий Тульского завода).

Дело вызвало огромный интерес. Зал суда был переполнен.

Мартов выражает удивление, что, получив вызов в следственную комиссию, он очутился перед лицом Рев. Трибунала. Поэтому он просит дело отложить и вызвать в качестве свидетелей Исидора Рамишвили, состоявшего председателем революционного суда, установившего участие Сталина в экспроприации парохода «Николай I» в Баку, Ноя Жордания, большевика Шаумяна и других членов Закавказского Областного Комитета 1906-7 гг.,

а также группу свидетелей во главе с комиссаром финансов Гуковским, под председательством которого рассматривалось дело об убийстве рабочего Чаринова, избивавшего перед партийными организациями Бакинский Комитет и его руководителя Сталина в участии в экспроприации.

Сталин указывает, что он никогда никаким судом не судился, и что если Мартов заявляет противное, то он признает Мартова — клеветником и требует «обезвредить» его и вынести ему обвинительный приговор.

Мартов заявляет, что лишение его возможности вызвать свидетелей он рассматривает, как акт политической мести...

Атмосфера в зале суда стоит чрезвычайно напряженная. Выступления Мартова сопровождаются аплодисментами. Председатель Трибунала, по видимому, Дьяконов («Н. Л.» от 21 апреля) отдает распоряжение ввести красногвардейцев, которые начинают «теснить» публику. Возмущение большевистской властью, пытающейся нанести удар в спину социалдемократии, достигает апогея. Газета отмечает такой штрих: к одному из обвинителей, Сосновскому, подходит большевик Левинсон, комиссар юстиции, и бросает ему в лицо: «я 13 лет в партии, но подобной гнусности не видел».

После совещания суд постановляет дело слушанием отложить и вызвать указанных Мартовым свидетелей («Новый Луч» от 7 апреля).

Так в первой стадии «процесса» был сорван сталинский план.

Спустя 10 дней, 15 апреля, началось в Революционном Трибунале дело по обвинению Мартова Сталиным

лиционные переговоры с Англией и Францией и, следовательно, организация военного сотрудничества с Польшей и Румынией подвигаются как будто к благополучному завершению, и если верно, что советское правительство настаивает на оказании активной помощи в сем жертвам фашистской агрессии, а не только некоторым, то надо пожелать, чтобы эта точка зрения была принята и англо-французскими контрагентами его. Во всем этом, как и в ответной телеграмме Калинина на послание Рузвельта Гитлеру и Муссолини, можно видеть признаки разрыва с политикой самонезависимости, подчеркнутой незаинтересованности в конфликтах внутри капиталистического мира, а, быть может, и «ответного» расчета на канализацию фашистской агрессии в западном направлении, — расчета, не только ультра-«деляческого», но не менее утопического и преступного, чем расчеты кое-каких западно-европейских политиков на канализацию ее в направлении восточном.

Этот намечающийся поворот сталинской внешней политики надо, разумеется, всячески приветствовать, поддерживать и закреплять. Но нельзя в то же время не видеть, что поворот этот производится отнюдь не с той решимостью, последовательностью и настойчивостью, какие требуются обстоятельствами, и потому отнюдь не дает уверенности в его прочности и окончательном характере. Сталинское правительство, столь крикливое и активное в других случаях, в данном случае так до сих пор и слова не проронило о своих намерениях и выступает в роли не столько активного творца анти-фашистского блока, сколько пассивно вовлекаемого в него сочлена. Всю инициативу создания блока, рассеяния предубеждений и опасений ближайших соседей Советского Союза и т. д. оно как будто предоставляет Чемберлену и Галифаксу, мирясь с раз-

решением в порядке закулисной, «тайной» дипломатии всех вопросов, связанных с участием Советского Союза в анти-фашистской коалиции и имеющих такое жизненное значение отнюдь не только для советской страны.

Можно, разумеется, апологетически объяснять такое поведение «дипломатическим» желанием «не отпугивать» западно-европейские, польские, румынские и т. д. господствующие классы слишком явным подчеркиванием советской активности. Но надо ли доказывать, что такого рода «дипломатия» была бы опять-таки не только недопустимо «деляческой», но, вдобавок, еще недопустимо близорукой и глупой в условиях, когда и политические деятели буржуазии понимают величайшую важность мобилизации масс перед лицом угрожающей войны и когда они поэтому апеллируют, в первую очередь, к общественному мнению этих масс, произнося, одну за другою, речи в парламенте, оглашая декларации по радио, опубликовывая в печати свои дипломатические послания?

Можно ли допустить, что как раз правительство, претендующее на звание революционного, рабочего, социалистического, не понимает решающего значения мобилизации общественного мнения масс для успеха борьбы против фашизма? Неужели именно оно, на своем веку не раз обличавшее всю скверну «тайной дипломатии», не понимает, что гласные, категорически сформулированные и изданные в день и в печати, и в речах ответственных деятелей режима повторяемые заявления советского правительства об его категорическом отказе от попыток «несения социализма на штыках» в другие страны и от поползновений использовать пребывание Красной Армии на территории этих стран для возвращения ли отторгнутых в свое время территорий (Бессарабия, Волынь и т. д.), для

в клевете. Со стороны защиты на этот раз выступали Р. А. Абрамович и А. А. Плесков.

Защитники настаивали на том, что дело о клевете неподсудно Трибуналу, и привлечение Мартова к суду квалифицировали, как акт политической мести. Абрамович между прочим едко заметил, что Сталин напоминает того анекдотического старшину, который, надевая цепь, говорит: «А ну-ка, вдарь теперь!».

Суд после совещания вынес резолюцию, в которой признал дело Мартова неподсудным Рев. Трибуналу и подлежащим «оставлению без последствий». Иначе говоря, Сталин к этому времени почел за благо отказаться от рассмотрения по существу обвинений. Но в то же время «суд» прибег для защиты Сталина к обходному пути и вынес резолюцию, в которой указывается, что статья, инкриминируемая Мартову, содержит «явный выпад против советской власти, намеренно дискредитирует ее в глазах трудовых масс населения и (содержит?) неверные сообщения, могущие повлечь за собой смуту и беспокойство». Поэтому суд постановил привлечь Мартова за это «деяние» и тут же дело разобрать.

Напрасно Мартов и его защитники протестуют. Напрасно они указывают на недопустимость смешения в одном органе и суда, и обвинения, и следствия. Суд удаляется на совещание и постановляет следующий приговор:

«Выслушав объяснения Мартова, суд признал наличие оскорбления для власти правительства, признал наличие сообщений, способных вызвать в широких трудовых массах смуту и беспокойство... Объяснения гражданина Мартова трибунал признал несостоятельными, а самого его — виновным в совершении посредством печати преступления. В виду этого московский Трибунал постановил выразить на первый раз гражданину Мартову за легкомысленное для общественного

деятели и недобросовестное в отношении к народу преступное пользование печатью — общественное порицание» («Новый Луч», 17 апреля).

Таким обходным путем Сталину удалось добиться реванша. Не мытьем, так катаньем!

Но на этой стадии дело о суде над Мартовым не закончилось. Если Сталин добился осуждения Мартова, если большевистский суд, потеряв чувство смешного, вынес «порицание» Мартову, и за что? — за «легкомысленное пользование печатью», — то совершенно неожиданно в влиятельных правительственных кругах обнаружилась потребность какнибудь... замять что-ли эту неприятную, неприличную историю. Должно быть, к тому же, ни у кого из старых большевиков не было большой охоты распинаться за ушербленную Сталинскую «честь». Но прежде чем привести внезапный эпилог этого суда над Мартовым, стоит остановиться на некоторых откликах меньшевистской печати на приговор Трибунала.

«Новый Луч» (18 апреля) откликнулся маленькой заметкой под названием «Сталин порицает Мартова», которую мы почти полностью приведем:

«Суд вынес порицание Мартову.

Малиновский получил реванш.

Стеклов, подавший прошение на высочайшее имя, порицает Мартова.

Черномазов, безвременно скончавшийся сотрудник «Правды» и Департамента Полиции, из гроба шлет проклятие легкомыслию Мартова.

Убийцы Шингарева и Кокошкина с тоской поглядывают на браунинг. Разве так порицают?

Сталин порицает Мартова.

Но почему даже воробьи на крышах контрреволюционно смеются?»

Сам «осужденный» напечатал в «Новом Луче» (21

ных-ли «исправлений границы» было бы гораздо более действительным средством побороть опасения Польши и Румынии, чем абсолютное молчание советской печати и закулисные шушукания советских дипломатов? И неужели не понятно, что такого рода «бегство от гласности» вызывает предположение не столько о похвальном желании «не отпугивать» возможных союзников, сколько о «деляческом» желании «не связывать» себя слишком определенными и слишком громко заявленными обещаниями?

Но, если бы даже сталинское правительство со всею необходимою определенностью и активностью участвовало в создании анти-фашистского блока, то и в этом случае следовало бы сказать, что такая определенность и активность обязательны, но их одних все-же было бы еще недостаточно, чтобы признать за его политикой рабоче-социалистический характер. Я не раз уже имел случай говорить, что и внешняя политика рабоче-социалистического правительства (а предвоенная и военная в особенности!) должна не только количественно, суммой затрачиваемой энергии и активности, но и качественно, самым содержанием своим, отличаться от политики правительств буржуазных, хотя бы и самых демократических: рабоче-социалистическому правительству должен быть не только ясен социально-революционный характер той великой классовой битвы, которая волею и преступлениями фашизма грозит принять облик кровопролитнейшей европейской и мировой войны, но именно этот характер ее оно должно, в отличие от правительств буржуазных или, быть может, точнее: в ином направлении, чем эти правительства, сделать заранее основой и своей борьбы за мир, и своей военной политики.

Подвергая с этой, социально-революционной точки

зрения критике политику нашего, Социалистического Интернационала и примыкающих к нему партий или отдельных течений, мы тем более имеем не только право, но и обязанность критиковать с той-же точки зрения внешнюю политику сталинской диктатуры, располагающей, разумеется, неизмеримо большими возможностями и средствами, чем любая социалистическая партия буржуазно-демократических государств, оказывающая-ли воздействие на правительство, входящая-ли в его состав или даже его возглавляющая.

Но тут вступает в разговор А. Ф. Керенский и, ссылаясь на передовицу прошлого номера «С. В.», кричит слово и дело: «философия войны последователей Ф. И. Дана совершенно совпадает с таковой-же философией последователей Сталина» («Новая Россия», № 65).

Это открытие А. Ф. Керенского, употребляя его-же выражение, поистине «изумительно», если принять во внимание, что, по его словам, философия Сталина заключается в стремлении «сравнить» демократические государства с тоталитарными диктатурами, оставаясь от этой схватки в стороне, чтобы затем, «выждав время», повести Красную Армию «на Запад освобождать весь пролетариат»: читателям-же моих статей (хотя бы статьи «Итоги съезда», помещенной в том же номере, что и передовица, на которую ссылается Керенский) хорошо известно, что «философию» Сталина я и мои «последователи» не с сегодняшнего дня считаем не революционно-пролетарской, а вульгарно «национал-патриотической», а политику «выжидания», поскольку он ее практикует, близорукой и преступной, и что поэтому припутывать нас к этой философии и этой политике значит совершенно не понимать или извращать нашу собственную философию и политику.

апреля) фельетон под характерным названием: «Из записок легкомысленного писателя». Вот несколько строк из статьи Мартова, написанной по свежим следам приговора:

«Я приговорен к легкомыслию... Тяжелое наказание! Но чтобы показать обывателю пример законопослушного поведения, я подчиняюсь приговору и обрекаю себя на этот род общественных работ — высоко нести знамя легкомыслия в коммунистической России». И дальше: «Нельзя изобрести более тяжелого наказания в такое время, когда местные власти испрашивают разрешение поставить на сцене историческую драму «Варфаломеевская Ночь», когда «Некто в Смольном» посрамил мастера Красного Смеха Леонида Андреева и затмил его «рассказ о семи повешенных»...»

Но оборвем цитату, чтобы досказать до конца эпизод суда над Мартовым.

Как мы уже упоминали, и у самих большевиков приговор вызвал чувство неловкости. То-ли они боялись действия французской поговорки: «смешное убивает», — а ведь это «порицание» Мартову, вынесенное в угоду Сталину, вызывало в сферах весьма нелестные речи и сравнения все по поводу того же анекдотического старшины с цепью, о котором напоминал Абрамович. То-ли внутренние отношения в большевизме еще больше затрещали и обострились под влиянием суда над Мартовым, — сам Ленин, Крупская, Крыжановский и другие бывшие соратники Мартова по Петербургскому Союзу Борьбы 1895-96 гг. чувствовали себя задетыми этим идиотским «порицанием». Так или иначе, но уже через несколько дней после сталинской судебной победы в газетах появилась заметка:

«Сильное недовольство царит среди членов ЦИК Советов по поводу приговора над Мартовым. Будет внесено предложение о кассации приговора» («Новый Луч», 23 апреля).

И, действительно, в руководящих большевистских

кругах, несмотря на протесты Сталина, затаившего таким образом еще раз обиду на «старую гвардию», было принято решение: отменить приговор по делу Мартова. Собралась Ленинская Дума (как обозвал ВЦИК «Новый Луч» в статье Астрова), и никто иной, как Крыленко, внес резолюцию о кассации приговора. Полноты ради приведем текст этой резолюции:

«Принимая во внимание, что приговор Московского Революционного Трибунала по делу Мартова был вынесен с явным нарушением основных процессуальных норм, обеспечивающих равенство и являющихся гарантией обвинения, равно как с явным нарушением прямого смысла параграфа 8 декрета о суде..., а также инструкций ревтрибуналу о преступлениях, совершенных путем печати, ВЦИК постановляет по предложению Народного Комиссара Юстиции приговор кассировать и дело передать в Рев. Трибунал для вторичного и окончательного приговора» («Новый Луч», 27 апреля).

Когда Крыленко огласил свое предложение о кассации, Мартов и Дан потребовали от Председателя ВЦИК слова для заявления. Свердлов, однако, решительно отказал им в этом элементарном праве. Повидимому, большевики твердо решили в этом пункте проявить характер. Между Мартовым и Даном, с одной стороны, и Свердловым, с другой, происходят на трибуне Президиума «бурные столкновения», как отмечает газета, и дело кончается тем, что представителей оппозиции... «удаляют из зала» Ленинской Думы, как бывало с ораторами левых партий и в Государственной Думе.

Так, «под сурдинку» был кассирован приговор над Мартовым и резолюция Крыленко была ВЦИК принята. Никакого «вторичного и окончательного рассмотрения» дела никогда и не было поставлено в Ревтрибунале. «Преступное легкомыслие» Мартова, вопреки всем стараниям Сталина, весной 1918 года осталось безнаказанным.

Но на самом деле из состояния равновесия вывела А. Ф. Керенского «философия войны» моя и моих единомышленников вовсе не потому, что она якобы тождественна с философией Сталина, а потому, что на случай, если варвары фашизма ввергнут человечество в войну, она ставит «анти-фашистской политике социализма» задачу — «превратить разгром фашизма в непосредственный пролог социалистического освобождения человечества». Но в таком случае интересно было бы знать, что же будет стараться «соорудить на дымящихся развалинах буржуазной культуры», буде фашизм превратит эту культуру в развалины, социалист Керенский и его «последователи»? Если не «социалистическое освобождение» человечества, то уж не новое ли капиталистическое закабаление его?

Или для А. Ф. Керенского в «философии войны последователей Ф. И. Дана» непереносна другая, в цитируемой им передовице вовсе не высказанная, мысль, что грядущая война, если фашизму удастся развязать ее, неизбежно превратится в «решающий бой» между упадочным капитализмом и социализмом, — в бой, в ходе которого фашизм все больше будет становиться выразителем общих интересов самосохранения господствующих классов капиталистического мира и который поэтому успешно вести и довести «до победного конца» смогут не эти классы, а лишь возглавляющий трудящиеся массы социалистический пролетариат?

Но вот, не в социалистическом, а в буржуазном органе «Ордр» (15.4) я читаю статью американского журналиста Луи Фишера, характеризующую, по словам редакции этого, не социалистического, а буржуазного органа, европейскую ситуацию «с клинической точностью» и потому особо горячо рекомендуемую ею вниманию и размышлениям читателей. Эта статья констатирует, что «новая большая война способна нанести смертельный удар нынешней социальной системе», и что в этом обстоятельстве и заключается «главный источник буржуазного пацифизма»: «Невилль Чэмберлен хороший капиталист; именно поэтому он — пацифист». Подробно характеризуя колеблющуюся и нерешительную политику демократических держав в их борьбе с державами фашистскими, автор ищет объяснения этой политике «в боязни падения фашизма, если для них будет создано безвыходное положение. Крушение фашизма имело бы самые серьезные последствия для всего капиталистического мира. Таким образом выдающиеся представители капитализма, как Чэмберлен или Бонне, поставлены перед дилеммой: спасти свои империи, преграждая путь фашистам и уничтожая их, или спасти свою социальную систему, избегая войны все новыми уступками и все новыми колебаниями».

Как видим, преступление «последователей Ф. И. Дана» заключается разве лишь в том, что они еще 3-4 года тому назад дали тот анализ мирового положения, «клиническую точность» которого признает теперь буржуазный «Ордр», и который один только дает ключ к пониманию англо-французской политики за последние годы. Но «Ордр» — не исключение. Разве не смутным ощущением крушения, грозящего всей «социальной системе» капитализма звучат, напр., слова органа крупно-капиталистической буржуазии Франции, когда он сравнивает нынешнюю эпоху с эпохой нашествия варваров на Римскую Империю, т. е. с эпохой круше-

ния всей социальной системы античного мира (ст. «Жить с опаской» в «Тан» от 10.4)? И разве как-нибудь иначе может быть объяснен неожиданный «пацифизм» буржуазии?

Однако, коснулся я статьи А. Ф. Керенского вовсе не затем, чтобы полемизировать с ним или еще раз обосновывать свою «философию». Нет, коснулся я ее потому, что самое прямое отношение к моей теме имеет не одним Керенским практикуемое отождествление в с я к и х представлений о пролетарской революции и «социалистическом освобождении человечества» с специфическими представлениями большевизма.

Я не собираюсь, разумеется, в рамках этой статьи еще раз доказывать глубочайшее различие между принципами марксистской, революционно-пролетарской политики и специфическими принципами большевизма. Мне достаточно напомнить о нем, чтобы подчеркнуть всю нелепость предположений, что, критикуя внешнюю политику сталинской диктатуры, я требую от нее — «на горе всем буржуям!» — возвращения к политике так называемого «раздувания мирового пожара» и ко всей той, наделавшей столько непоправимого вреда большевистской сектантшине, оглушительное историческое банкротство которой неопровержимо засвидетельствовано вырождением большевистского режима в сталинское единодержавие и запоздалым, комически-самодовольным глашатаем которой выступает некогда так ядовито обличавший ее Троцкий. Кто хочет понять действительную «философию войны последователей Ф. И. Дана», тому не надо даже перечитывать их бесчисленные статьи и «тезисы»; тому достаточно взять в руки тот манифест, в котором в тот сентябрьский день прошлого года, когда начало новой мировой войны казалось делом часов, Заграничная Делегация нашей партии дала этой «философии» практически-политическое выражение и который она сможет, вероятно, почти дословно повторить, если война разразится завтра («С. В.», № 18 за 1938 г.).

К внешней политике сталинской диктатуры мы подходим без всякой предвзятости и уж, конечно, без мелочной придирчивости, а с теми же критериями, что и к политике партий Социалистического Интернационала. Сталинская внешняя политика не потому не может быть признана рабоче-социалистической, что она не размахивает революционным мечом и не потрясает знаменем, на котором написано: «день твой последний приходит буржуй!» — а потому, что, как и ее внутренняя политика, она ставит во главу угла интересы той привилегированной верхушки, которая все больше консолидируется вокруг сталинского единодержавия, и этим интересам, как якобы «национальным», стремится подчинить и подлинно национальные интересы трудящихся масс Советского Союза, и интернациональные интересы рабочего движения, демократии, социализма.

В пролетарско-революционных традициях Советского Союза, в сложившемся в ходе революции экономическом и социальном укладе его, в его международно-пролетарском престиже заложен огромный социально-революционный потенциал. Но не выродившаяся сталинская диктатура может сделать этот потенциал рычагом исторической борьбы против фашизма. Таким рычагом он может стать лишь вопреки этой диктатуре. Возрастающее противоречие между интересами сталинского единодержавия и сплывающей вокруг него привилегированной верхушки и интересами народных масс заставляет сталинскую диктатуру все туже заворачивать пресс террора, бояться пробуждения антифашистской

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ**

«ярости» и политической мобилизации народных масс, бояться их свободной и организованной самостоятельности, бояться поднять не на словах только, а на деле знамя свободы и демократии, бояться не фиктивного, а подлинного единства рабочего движения и в Советском Союзе, и во всем мире, которое, конечно, возможно лишь как свободное, демократическое единство различных, но в своем различии равноправных течений рабочего класса, бояться, словом, всего, что необходимо, чтобы придать советской внешней политике не анти-германский, не анти-японский, не ура-патриотический, а действительно анти-фашистский, действительно рабочий и социалистический характер. И противоречие это достигает уже такой напряженности, что, как мы видели, сталинская диктатура оказывается еще в гораздо большей степени приверженной методам не-народной, «тайной» дипломатии, чем правительства любой демократической страны капитализма!

Понятно, почему упомянутый уже «военный» манифест нашей партии констатировал, что «террористический режим сталинского единодержавия, дезорганизующий и хозяйственную, и военную мощь страны, подавляющий самостоятельность населения и вызывающий все возрастающее возмущение широких рабочих и крестьянских масс, не только помешал бы использованию победы над фашизмом в духе и интересах демократии и социализма, но в самом ходе войны неизбежно ока-

зался бы фактором, крайне ослабляющим шансы Советского Союза на победу». И понятно, почему, призывая «трудящихся Советского Союза к решительной и энергичной военной обороне его», манифест звал их «в то же время неустанно бороться за замену сталинского единодержавия демократическим самоуправлением народа».

Смысл этой борьбы и заключается в высвобождении того социально-революционного потенциала, который заложен в советских народных массах, но который систематически истребляется и внутренней, и внешней политикой сталинской диктатуры. Но, если верен тот анализ, «клиническую точность» которого засвидетельствовала редакция буржуазной газеты, то сама динамика классовой борьбы в ходе войны, если она разразится, будет содействовать высвобождению этого потенциала в Советском Союзе, как и во всем мире, а тем самым и укреплению способности Советского Союза стать одним из самых мощных факторов «превращения разгрома фашизма в непосредственный пролог социалистического освобождения человечества», т. е. собиранья трудящихся масс всех стран по обе стороны окопов под теми лозунгами: «Против фашизма! За демократию и социализм!», которые выдвинул сентябрьский манифест нашей партии и которые должны быть вехами внешней политики всякого подлинно рабочего правительства.

А. ЮГОВ.

Благосостояние и рост населения

В советской печати появились первые сведения о результатах переписи 1939 г. Официальное сообщение Госплана СССР устанавливает, что численность населения Союза составляет 170.126 тысяч человек.

Окончательные отчеты будут опубликованы лишь через 2-3 месяца, но уже сейчас, на основании этой предварительной цифры населения, советская печать предается неудержимому ликованию.

Не слишком ли поспешают? Ведь перепись 1937 года была произведена 6 января, а лишь через 9 месяцев, 25 октября, Совнарком признал, что «организация переписи была неудовлетворительна, а ее материалы дефектны».

Впрочем, едва ли решатся отменить и перепись 1938 года. Это было бы слишком конфузливо! Да, опыт, кроме того, показал, что подобные операции с миллионами людей плохо поддаются «приказам диктатора».

Результаты переписи 1939 года трудно считать неблагоприятными и для торжествующих славословий и для советских плановых расчетов.

Только робким послушанием и ограниченностью можно объяснить статью начальника Центрального Управления Народно-Хозяйственного Учета И. Саутина «Население страны социализма», помещенную в «Правде», от 28 марта.

И. Саутин пишет:

«В результате выполнения двух сталинских пятилеток, ...создавших невиданные условия для свободной и зажиточной жизни трудящихся, в СССР происходит невиданный рост численности населения — самого ценного и решающего капитала нашей страны».

Невиданные темпы роста населения.! Верно ли это утверждение? Будем исходить лишь из официальных данных.

Первая перепись при советской власти была произведена в 1920 г. Население было учтено методом

переписи лишь на трех четвертях территории, в остальной же части государства, в виду условий гражданской войны, население было статистически исчислено.

Была опубликована в свое время цифра населения Союза в 134,2 миллиона человек на 28 августа 1920 года, — и до сих пор она ни кем не оспаривалась. Ее же приводит А. Саутин.

Вторая перепись была произведена на всей территории Союза в 1926 году. Население СССР составляло на 17 декабря 147 млн. человек.

За 6 лет население увеличилось на 12,8 млн. человек, т. е. в среднем за год увеличение на **2,13** млн. человек*).

Третья перепись, произведенная в 1937 г., как мы уже указали выше, была признана дефектной.

Итоги четвертой переписи, 1939 года, опубликованы сейчас. Население СССР установлено в 170,1 млн. человек. С декабря 1926 г. по февраль 1939 года, за 12 лет население возросло на 23 млн. человек, т. е. в среднем за год на **1,92** млн. человек.

Таким образом, мы видим, что темп роста населения СССР за последние годы, за период первых двух пятилеток замедлился по сравнению с годами, охватываемыми периодом Нэпа.

Объясняется это обстоятельство тем, что принудительная коллективизация, раскулачивание и вызванный этими мероприятиями голод обошлись стране в сотни тысяч и миллионы жертв крестьянского населения, что далеко не было покрыто одно-

* Мы лишены возможности и в этом и следующих случаях исчислить процент годового прироста, так как данные для этого отсутствуют. Нам приходится, поэтому, применять метод исчисления среднего годового прироста, который не отражает прогрессивности прироста населения, но для нашей задачи вполне удовлетворителен.

временными процессами, благоприятствующими росту населения **).

Уж подлинно: услужливый лъстец опаснее врага!

Не будем сравнивать прирост населения последних лет с периодом великой и гражданской войны, так как в это время и смертность и рождаемость были уродливо ненормальны. Но обратимся к довоенному времени.

Всероссийская перепись 1897 г. (9 февраля) установила для России, в пределах территории современного СССР, население в 104,1 млн. человек. Статистический Ежегодник Центр. Статистического Управления опубликовал в свое время цифры населения России по районам на 1 января 1914 г. Для территории СССР она равняется: 139,7 млн. человек. Советские органы: Госплан и ЦСУ именно из этой цифры исходили в своих работах. Следовательно за 17 лет население возросло на 35,6 млн. человек, т. е. в среднем за год на 2,1 млн. человек.

Вопреки утверждению советских органов, рост населения в последние годы не только ниже, чем в годы Нэпа, но и ниже, чем в довоенное время. В довоенное время прирост в среднем равнялся 2,1 млн. чел., а в последние годы лишь — 1,92 млн. чел. в среднем в год. Степень замедления будет особенно ясна, если мы учтем, что общее количество населения, на которое происходит прирост, в настоящее время значительно выше, чем в период 1897-1914 годов.

Итак, совершенно неверно, что население России в период пятилеток растет невиданно быстро, быстрее, чем в предыдущие годы. Цифры, отражающие действительность, показывают совершенно обратное.

Попытки «лакействующих энтузиастов» невиданным ростом населения доказать благодетельность сталинской политики оказываются беспомощными.

Россия, подобно Китаю, Румынии, Японии, Индии всегда отличалась быстрым ростом населения. И это обстоятельство никогда не являлось свидетельством роста благосостояния населения.

Сотрудникам Сталина по строительству «нового общества» полагалось бы знать, что для современного социального строя, для характерных для него культуры и быта, присущ прямо противоположный закон: чем выше благосостояние населения, тем ниже темп прироста населения. Процент прироста населения в САСШ ниже, чем в Мексике, во Франции ниже, чем в Испании, а в Австралии ниже, чем в Японии.

Рост населения находится в гораздо более сложной зависимости от ряда экономических, социальных, культурных и бытовых факторов, чем

это полагает руководитель статистического управления СССР. И рост населения сам по себе, даже, если бы он был действительно рекорден, еще не доказывает ни роста благосостояния, ни его падения.

Для того, чтобы установить причины роста или падения населения страны, надо раньше всего проанализировать состояние двух решающих факторов: смертности населения и размера рождаемости. Ибо общеизвестно, что в ряде культурных стран, притом в условиях роста благосостояния, происходит одновременный процесс снижения смертности и уменьшения рождаемости. При этом в таких культурных и богатых странах как Швеция, Швейцария, Англия, Австралия достигнуты громадные успехи в борьбе со смертностью и детей и взрослых, но в них еще быстрее падает рождаемость, что и определяет общее снижение темпа прироста населения в последнее время. Во Франции в последние три года наблюдается даже абсолютное уменьшение населения, несмотря на уменьшение коэффициента смертности.

Каково же влияние обоих этих факторов в СССР? Серьезное ознакомление с размерами смертности и динамикой рождаемости помогло бы понять механизм быстрого роста населения в СССР гораздо вразумительнее, чем шумливая агитация советских чиновников.

Но, как это бывает часто в СССР, основной вопрос можно поставить, но на него нельзя серьезно ответить. Ни процент смертности, ни процент рождаемости в Советской России в последние годы не опубликовывался. То, что известно о любой стране, чуть-чуть приобщившейся к культуре, в СССР является тайной. И самая эта таинственность уже свидетельствует о неблагоприятии!

А. Саутин пишет в своей статье:

«...число родившихся в 1938 г. выросло по сравнению с 1936 г.: в Москве на 69 проц., в Ленинграде на 62,7 проц., в Минске на 38,5 проц., в Баку на 39,4 проц. и т. д.»

Возросло на 40-70% — очень хорошо! Но, для того, чтобы мы и вообще все смертные понимали о чем идет речь, не откроет ли нам Саутин лишь один секрет: какова была рождаемость в этих городах в 1936 году. Или, быть может, он согласится сравнить современную рождаемость хотя бы с 1913 или 1928 годами, когда сведения о рождаемости еще не засекречивались.

И, во-вторых, каков рост рождаемости не в крупнейших городах, а в колхозной деревне, порывающей ныне с былой патриархальностью, или в быстро индустриализующихся, национальных республиках?

Вероятно, сам того не заметив, А. Саутин несколько приоткрыл завесу, оберегающую советские тайны, сообщив нам, что «смертность у нас уменьшилась по сравнению с 1913 годом более, чем на 40%».

В 1913 г., вернее за период 1908-1913 гг., средняя смертность была равна 28,4 на каждые 1.000 человек населения. По Саутину к 1938 году она упала до 17,0 на каждые 1.000 человек населения.

Это несомненный успех. Но неутомимый Саутин старается:

«смертность уменьшилась более, чем на 40 проц., в результате подъема материального и культурного уровня советского народа, в результате громадной сети медицинских учреждений и мероприятий по охране труда».

Бедный Саутин! Надо бы быть скромнее, когда и сейчас смертность в СССР выше, чем во всех странах Европы, кроме Румынии.

Она примерно на уровне Японии и некоторых более культурных арабских стран. Но как она далека от уровня смертности в Голландии (8,8%), Дании (10,2%), Финляндии и Англии (12,4%). И даже в Польше смертность за послед-

***) Вряд ли когда-либо удастся установить точно цифру советских граждан, погибших в период принудительной коллективизации. В нашем журнале несколько раз называлась цифра в 3 млн. крестьян, погибших в годы раскулачивания. В Бюллетене Прокоповича (№ 139, 1938 г.) потери населения за годы коллективизации исчисляются в 9,4 млн. человек. При всем нашем уважении к научной авторитетности С. Н. Прокоповича мы эту цифру считаем невероятной. Эта цифра превышает число всех убитых по обе стороны фронта в период великой войны, когда действовали тяжелая артиллерия, пулеметы, бомбы и газы. Утверждать такую цифру погибших — это значит потерять не только чувство объективности, но и чувство цифры. Как ошибочен статистический метод, примененный Кабинетом Прокоповича при исчислении цифры потерь, можно видеть, хотя бы из того обстоятельства, что этим же методом Бюллетень исчисляет действительное число населения на 1938 г. в 154.686 тыс. человек. А вторичная перепись установила их в 170,1 млн. человек. Критическое отношение к советской статистике все же не должно нас лишать при всех условиях обязательных объективности и научности.

ние 17 лет уменьшилась на 47% и в настоящее время равняется 14% на 1.000 человек, несмотря на то, что Польша не имеет оснований гордиться ни своими социальными мероприятиями, ни прогрессом в области гигиены и культуры.

Неумеренное славословие советской печати лишь препятствует воспринять то положительное, которое в СССР имеет место. Социальные и гигиенические меры несомненно значительно уменьшили смертность населения в СССР, и если средние величины еще далеко неутешительны, то, во-первых, потому, что очень уж высока была смертность в довоенное время в России (самая высокая в Европе!), и, во-вторых, потому, что только в самые последние годы население СССР начало выходить из полосы голода и лишений.

Советский Союз достиг уже очень больших успехов в уменьшении детской смертности, значительно снизилась смертность от туберкулеза, организована медицинская и санитарная помощь широким кругам населения, улучшена санитария городов.

Но Советскому Союзу предстоит еще очень долгий путь, еще очень настойчивая работа, чтобы приблизиться к уровню гигиены и смертности культурных стран Европы.

Но, не достигнув низкого уровня смертности культурных стран, СССР оказался в области рождаемости уже подчинен тому же закону, что другие страны: с поднятием культуры одновременно снизился и уровень рождаемости.

Разрушение старого патриархального быта деревни, ослабление влияния религии, поднятие общего культурного уровня, вовлечение женщины в промышленное производство, раскрепощение женщины, ослабление гнета семьи и брака, рост общественных интересов, медленное создание нового быта после долгих лет войны и революций, необеспеченность жизни — все это факторы, понизившие уровень рождаемости и в СССР.

Конечно, в России не малую роль в понижении рождаемости играет и ф а к т о р э к о н о м и ч е с к и й — низкий прожиточный уровень широких масс населения, но сама советская печать, в период кампании за запрещение абортов, откровенно признавала, что особенно малы семьи и низка рождаемость как раз в наиболее хорошо оплачиваемых слоях советского населения.

Общий закон современного общественного строя, одинаково характерный и для Германии и для Франции, для Швеции и для Италии, для Америки и для Австралии, закон, формулированный Мальтусом, оказался обязательным и для Советской России.

И, быть может, наиболее ярким доказательством того, как далек Советский Союз от социализма, является то обстоятельство, что и Советский Союз в полной мере оказался охвачен снижением рождаемости, этой

болезнью, столь характерной для упадочного современного общества, которое на высоких стадиях культуры и благосостояния попадает в безвыходные социальные и бытовые тупики. Советский Союз не нашел никаких других методов для разрешения этих проблем, кроме мер, типичных и для буржуазного общества: агитации за усиленное деторождение, премий на многодетность и тюремных кар за аборты.

Первые итоги переписи оказались весьма печальными «иллюстрациями к докладу Сталина». Они, при первом же анализе, показывают, что темпы роста населения в годы пятилеток ниже и довоенных и периода Нэпа. Они свидетельствуют еще о очень высокой смертности, при этом одновременно уже начало проявляться сильное падение рождаемости.

Те темпы, которые намечала вторая пятилетка, оказались совершенно недостижимыми и в области общего роста населения. План второй пятилетки исчислял население СССР к 1938 году в 180 млн. человек, в то время, как перепись установила к 1939 году лишь 170 млн. человек.

Несмотря на все приказы Сталина, несмотря на повторный подсчет населения оказалось, что все расчеты, построенные на том, что население в СССР растет в среднем по 3-3½ млн. в год — были ошибочны.

Также ошибочны, как и многие другие планы, продиктованные гигантоманией.

Пропажа 10 млн. человек, заставившая Сталина приказать считать перепись 1937 г. не бывшей и вызвавшая утверждение Прокоповича, что от коллективизации погибло 9,4 млн. человек — объясняется, по нашему мнению, именно этим необоснованным предположением. В 1937 г. населения оказалось на 9-10 миллионов меньше исчисленного в канцеляриях Госплана не потому, что во время переписи его плохо подсчитали, и не потому, что в 1933 и 1934 гг. умертвили 9 млн. человек, а потому что его преувеличенно исчислили на 1933 г. — конец первой пятилетки, — а затем и в дальнейшем считали, во славу Сталина, годичный прирост в 3 млн. человек, когда он не достигал даже 2 млн. человек. Теперь, тот же Сталин, после повторной переписи, в своем докладе на с'езде ВКП высмеивает тех, кто «вредительски исходил из трехмиллионного прироста... Это тоже была фантастика, если не хуже»... Дорого стране обходится обучение Сталина и его ставленников.

До сих пор опубликованные данные о переписи не позволяют судить о социальном расслоении населения СССР. Между тем, только сведения об экономическом и социальном разрезе населения СССР позволили бы сделать обоснованный вывод о степени благосостояния народа. Лишь только эти данные будут опубликованы, мы еще вернемся к вопросам советской переписи.

С. ШВАРЦ.

Между городом и деревней

Одно место в докладе Сталина на недавнем с'езде ВКП обратило на себя внимание своим необычным тоном:

«Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян (Кто же и когда «из милости» «пристраивал как-нибудь» на работу безработных? — С. Ш.)... Теперь речь может идти лишь о том, тобы предложить колхозам уважить нашу просьбу

и отпускать нам (?) для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полутора миллиона молодых колхозников».

«Уважить нашу просьбу», — этот елейный язык в устах Сталина невольно заставляет насторожиться. Уж не растерялся ли и впрямь «вождь и учитель» пред лицом все возрастающих трудностей с вербовкой колхозников на работу в промышленности? Или, может

быть, всемогущий диктатор пытается надеть на себя маску простодушия, чтобы тем легче осуществить новый нажим на деревню?

С вербовкой рабочих в колхозах действительно положение создалось тяжелое. В прошлом году, например, в 36 областях и автономных республиках РСФСР (всего в РСФСР было в начале прошлого года 49 краев, областей и автономных республик) должно было быть нанято в колхозах около 2,8 миллионов рабочих, завербовано же было только менее 1,7 миллиона, т. е. 59% планового задания, а «отправлено на работу» неполных 1,5 миллиона или 54% задания («Правда» от 5-го апреля). Да к тому же, вероятно, еще не все «отправленные на работу» действительно прибыли к месту назначения. Не приходится удивляться, что главные потребители деревенской «рабочей силы» — стройки, торфоразработки, лесозаготовки — не переставали жаловаться и жалуются до сих пор на «недостаток рабочей силы».

Руководители советской политики труда вот уж который год бьются над задачей привлечения рабочей силы из деревни. Первые трудности возникли после первых же «побед» на фронте коллективизации. Об этом в свое время «С. В.» писал не раз*). Система «отхода» крестьян на заработки в города, как она издавна сложилась в России, была неразрывно связана с наличием громадного избыточного сельского населения и с преобладанием в деревне мелкого крестьянского хозяйства. «Крестьянская семья в течение большей части года справлялась с работой без своего главного работника. Глава семьи мог работать в городе и обычно появлялся в деревне лишь в период наибольшего напряжения сельско-хозяйственных работ, или семья его, если не могла в эту пору справиться с работой, нанимала на короткое время работника. Коллективизация крестьянского хозяйства разрушила основы этого своеобразного уклада» («С. В.» 1934 г., № 15/16). Правда, «трудовые излишки» в деревне после коллективизации не уменьшились. Напротив, последовавшие за коллективизацией широкая механизация и машинизация сельского хозяйства вскоре привели к значительному увеличению этих «излишков». Но, как это на первый взгляд ни покажется неожиданным, рост избыточного населения в коллективизированной деревне создал дополнительные затруднения для отхода сельского населения на заработки. При обострившейся невозможности обеспечить трудом все взрослое население деревни, в колхозах естественно все явственнее начала сказываться тенденция предоставлять работу прежде всего тем крестьянским семьям, в которых нет отходников, а в случае ухода на заработки главного работника в семье и вовсе не допускать семьи его к работе в колхозе. Органы власти, озабоченные развитием деревенского отхода, нередко пытались бороться с этой тенденцией, но усилия их далеко не всегда достигали своей цели. Больше того: стремление колхозов оттеснить семьи отходников от колхозной работы и колхозного добра приводило нередко к исключению отходников из колхозов. «Наиболее распространенным видом незаконных исключений из колхозов», — читаем мы в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП от 19-го апреля прошлого года «О запрещении исключения колхозников из колхозов», — «является исключение из колхозов членов семей, отцы которых ушли на временную или постоянную работу в государственные предприятия». Но исключение из колхоза это все

же лишь крайняя мера. Более распространена практика отказа семьям отходников не только в предоставлении им работы, но и в снабжении их колхозным хлебом и кормами для скота. В отношении семей отходников, работающих в угольной и торфяной промышленности, это, правда, формально запрещено: постановлением СНК СССР от 13-го февраля 1938 г. семьям таких отходников предоставлено право «получать при распределении урожая в колхозах хлеб и корма для скота по государственному заготовительным ценам и в том же количестве, в каком снабжаются остальные колхозники, добросовестно работающие в колхозах»; кроме того колхозам предписано «предоставлять трудоспособным членам семьи колхозников, работающих в угольной и торфяной промышленности по договорам, работу в колхозе на протяжении всего года (!) преимущественно (!) перед другими колхозниками». Но на практике все эти правительственные распоряжения имеют, конечно, лишь ограниченное значение. Деревенский отход в старых формах, как временный уход на заработки в промышленность без разрыва с сельским хозяйством, явно идет на убыль. Ему на смену приходит уже не «отход», а уход в тесном смысле, окончательное переселение в города части избыточного сельского населения, главным образом молодежи. И не напрасно Сталин говорил — может быть, обмолвился — о полутора миллионах «молодых колхозников», которых должны «отпускать» в города колхозы.

Но как «отпускать», когда колхозники явно все с меньшей охотой уходят на работу в промышленность? Убогий заработок городских рабочих массовых профессий перестал привлекать крестьянина; уровень жизни городских рабочих — если не считать их привилегированного верхнего слоя, в который прибывающие из деревни рабочие проникают лишь в виде исключения, — слишком для этого низок. Не напрасно промышленности не хватало в прошлом году около 350.000 рабочих, а по капитальному устройству, особенно нуждающемуся в деревенской «рабочей силе», по одному лишь Наркомтяжпрому нехватка рабочих достигла 100.000 («Индустрия» от 17-го апреля). Но и прибывающие из деревни в недостаточном количестве рабочие часто не удерживаются на месте, а кочуют из предприятия в предприятие в поисках сколько-нибудь сносных условий существования. Они-то и составляют основное ядро «летунов» и удерживают цифры «текучести» по промышленности в целом на очень высоком уровне.

Справиться с текучестью и преодолеть трудности с вербовкой колхозников для промышленности можно было бы лишь коренным оздоровлением всей социально-политической обстановки в городах. Об этой теме придется как-нибудь побеседовать отдельно. В ближайшие намерения «партии и правительства» задача эта во всяком случае не входит. Руководители советской политики, по установившейся в системе бюрократического деспотизма традиции, ищут и на этот раз выхода в усилении мер давления. О, конечно, «мы» обращаемся к колхозам лишь с «просьбой». Но пусть-ка они попробуют не «уважить» этой просьбы. Не напрасно Андреев на съезде ВКП призывал крайкомы и обкомы партии «стать подлинными руководителями колхозов» (кстати сказать, почти при полном отсутствии коммунистов среди колхозников; см. обзор «ВКП на 18-ом съезде» в предыдущем номере «С. В.»), «вести дело по хозяйски» и «ликвидировать практику никому ненужного невмешательства (!) во внутреннюю жизнь колхозов» («Правда» от 14-го марта). Если та мелочная опека, которой и до сих пор компартия сплошь и рядом душила ростки крестьянского самоуправления в колхозах, называется «невмешательством во внутрен-

*) См. статьи «Коллективизация и безработица» (1930 г., № 6/7), «Нет безработицы!» (1930 г., № 14), «Кризис рабочей силы» (1931 г., № 14), «Рабочий класс СССР» (1934 г., № 15/16) и др.

ную жизнь колхозов», то чего уж ждать от грядущей системы «подлинного руководства»?

Молотов («Правда» от 16-го марта) облек на съезде в другую форму ту же мысль об усилении давления на колхозников: «нужно ликвидировать нарушения устава сельско-хозяйственной артели». «Ликвидировать нарушения устава», т. е., может быть, обеспечить предусмотренное уставом демократическое самоуправление в колхозах? Это звучит симпатично. Но под этой демократической формулой скрывается в действительности очень мало симпатичное содержание. Оказывается, «нарушения устава», которые так беспокоят «партию и правительство» и с которыми сейчас по решению съезда должно быть покончено, это нарушения «норм приусадебной земли и индивидуального скота колхозников». Словом, нужно ударить по индивидуальному хозяйству колхозников, чтобы тем самым усилить их зависимость от «руководимых» партией колхозов. Но ведь колхозы при всем желании не могут занять всю наличную «рабочую силу». «Правда» недавно (5-го апреля) сообщила, что «по данным годовых отчетов колхозов, количество колхозников, не выработавших в 1937 году ни одного трудового дня, достигло 4,6 миллионов человек, а количество колхозников, выработавших от 1 до 50 трудовых, т. е. занятых всего 25-30 дней в году, было 8,5 миллионов человек» (около половины этого числа колхозников были в отходе или работали на соседних предприятиях). Сейчас с этим решено энергично бороться. Передовик «Правды» (от 12-го апреля) додумался даже до предложения «ограничивать обслуживание их (т. е. почти не работающих в

колхозах колхозников) колхозным транспортом для личных нужд и требовать от органов власти лишать таких людей всякого рода льгот по налогам и натуральным поставкам государству, установленным для колхозников». Но при подавлении крестьянского самоуправления в колхозах, при постоянном подчинении в колхозах интересов колхозников интересам «государства» и при усиленном стремлении официального руководства колхозов к организации сельско-хозяйственного труда постоянным составом работников, т. е. при отказе от политики распределения наличной работы по возможности между всеми трудоспособными колхозниками, — колхозные человеческие «излишки» не могут не стремиться изо всех сил расширять свое индивидуальное хозяйство. Сейчас в этом своем стремлении они натолкнутся на новые, трудно преодолимые препятствия. Но зато колхозное «руководство» сможет свободнее маневрировать «рабочей силой» и, может быть, сможет «уважить» и «просьбу», с которой обратился к колхозам Сталин.

Эта крестьянская политика псевдо-коммунистической власти находится в неразрывной внутренней связи с рабочей политикой выродившейся диктатуры. Преодоление социально-реакционных тенденций в городе и в деревне это две стороны одной и той же задачи, задачи преодоления сталинского деспотизма, обеспечения широкого самоуправления и свободного социального творчества трудящегося народа. Переживаемые страной тревожные дни нарастающей военной угрозы особенно болезненно напоминают об этой неразрешенной задаче.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Философия советской искренности

Сложна природа советского лозунга! На что уж, кажется, искренность, потребность в ней, призыв быть искренним по самой сути своей прост и недвусмыслен. А стоит заглянуть за фасад этого, ныне модного лозунга, чтобы сразу увидеть, что и этот вопль об искренности надо понимать «духовно», он только псевдоним, который служит прикрытием для очень опасной тенденции развития, впервые проявившейся еще в памятные времена Московских процессов. Тогда наряду с подавленностью, угнетенностью, неуверенностью в собственном завтрашнем дне, на верхах советского общества впервые родилась робкая догадка, что новый террор основной лавиной направлен вовсе не против верхов советского общества, а только против тех, кто в сознании всей страны олицетворял собой Октябрьскую революцию. Тогда-то в высказываниях официальной писательской общественности и прорвалось сильное, мстительное чувство: прочь с дороги все, кто «не понимает истории», кто цепляется за революционное прошлое, кто самым фактом своего существования мешает выработке новой идеологии, отвечающей условиям складывающегося пореволюционного быта и долженствующей узаконить социальные привилегии нового «ведущего» слоя в обществе!

Истекший со времени последнего процесса — над Бухариным-Рыковым — год не только в политике, но и в художественной литературе богат проявлениями этой новой тенденции развития.

Речь идет о ликвидации идеологии Октябрьской революции при сохранении в полной неприкосновенности вышедшего из революции аппарата власти и ее социального оплота — со-

ветской бюрократии. В художественной литературе эта двудеятельная задача разрешается в двух плоскостях. Одна группа произведений как бы взяла подряд на разоблачение «старого большевика» в качестве предателя по возможности с самого начала революции.

Крупный почин в этой проработке «старого большевика», как предателя и «врага народа» сделал еще в прошлом году Леонид Леонов в пьесе «Половчанские сады», которая в нынешнем сезоне пойдет в театре им. Горького. Действие пьесы перенесено в далекую провинцию, в Среднюю Азию. У директора совхоза Маккавеева, как у его библейского тезки, 7 сыновей и 1 дочь (из них 6 сыновей от первого брака). Все дети, как на подбор, молодец к молодежи: один — врач, другой — летчик, третий — красный командир, четвертый — знаменитый фильмовщик — не дети, а целый спектр советской интеллигенции. Все они съезжаются домой, встревоженные сердечным припадком отца. Дом Маккавеевых посреди огромного плодового питомника — полная чаша, скромное советское изобилие. Но вот оказывается, что в недрах этого благополучия дремлет свое, ревниво оберегаемое от чужого глаза, «лихо-одноглазое»: давным-давно, еще во время гражданской войны, вскоре после второй женитьбы Маккавеева на его нынешней жене, Александре Ивановне, эта последняя увлеклась другом Маккавеева, тоже коммунистом, Пыляевым и последний сын Маккавеева в действительности сын Пыляева. И вот через 18 лет Пыляев вдруг объявился: прислал сперва письмо, а потом приехал и сам, разбередив старую рану. Пыляев беден, оборван, бездомен. Но ни любить, ни жалеть его нельзя: он — оппозиционер, «изменник родины»

и сверх того — вымогатель. Между ним и Александрой Ивановной происходит объяснение. Оно кончается мольбой Александры Ивановны: «Я даже не знаю, кто ты теперь... беглый, прощённый? Я ночей не сплю. Уйди, Матвей, дай нам жить!». Пыляев медлит, злорадно наблюдая страх всей семьи перед ним. Как бы в наказание за это, он под конец пьесы разоблачается Маккавеевскими молодцами, как фашистский агент, бывший диверсантом уже в гражданскую войну...

«Дай нам жить!» — эта мольба, сорвавшаяся с уст Александры Ивановны — единственно искренние и страстные слова во всей пьесе; это мольба не только Александры Ивановны, она находит отклик в сердцах многих зрителей пьесы. Дайте жить! Не напоминайте о прошлом! Эти же слова сорвались некогда и с уст Наполеоновских маршалов, живших в своих провинциальных замках, когда, вернувшийся с о. Эльбы, Наполеон попросил их еще раз тряхнуть стариной и поддержать его!

Старый врач и большевик Гарибан в повести Петра Капицы «Боксёры» был, оказывается, агентом еще царской полиции. 30 лет носил он маску и только бдительность людей на излете второй пятилетки разоблачила этого закоренелого предателя. Директор завода, по прозвищу Валечка, в новом романе А. Митрофанова «Ирина Годунова» — вредитель, о себе он говорит: «Чем больше я двурушничаяю, — употребим это слово, — тем искреннее я с самим собой... В дореволюционные годы я только смутно догадывался — кто я такой. Мы были группой политиков, которые решили заработать славу и имя на так называемых трудящихся массах. Лучше работать с массой, чем ждать, пока она раздавит тебя. Масса была для нас как страшные и заманчивые дебри для конквистадора. Опасная карьера! Я давно об этом догадывался. Недаром, еще до войны фабриканты и заводчики, когда случался какой-нибудь конфликт (стачка, локаут), предпочитали вести переговоры со мной. Пусть я был умен, грозен, красноречив. Они чувствовали — прожжённые бестии — что в глубине души я боюсь «тех», как они».

Директор — коммунист в качестве агента разведки, вредителя, двурушника настолько уже бытует в новейшей литературе, что инженер Соколовский в романе молодого писателя А. Письменного («В маленьком городе»), сам коммунист, подозревая во вредительстве директора-коммуниста и делаясь своими подозрениями с беспартийным инженером Муравьевым, даже не понимает, почему Муравьев не хочет допустить возможности такого вредительства. Вместо всяких доказательств Соколовский атакует Муравьева прямо в лоб: «А кто убил Кирова?» и говорит: «Слышали, может быть, недавно были аресты? Эти люди тоже с партбилетами. В одном кармане — партбилет, а в другом — чековая книжка рейхсбанка».

Кульминацией этой разоблачительской свистопляски является фильм «Ленин в 1918 году». Тема фильма — покушение на Ленина эсерки Каплан. Но этот эпизод играет в фильме только роль скромной дани истории. У этой «волнующей и поучительной картины» — как аттестует ее «Правда» (от 9-го апреля), есть другой горящий и опаляющий стержень — разоблачение всех вождей Октябрьской революции, конечно, кроме Сталина и давно умерших. Ибо в заговоре на жизнь Ленина участвуют не более и не менее, как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Пятаков. «Ненависть кипит в нашем сердце», — пишет писатель Леонид Соболев, — ненависть ищет, кто истинный виновник». И вот в качестве «правдивого ответа истории» появляется в спальне Ильича «лисыя морда» «иезуита и лжеца, провокатора и предателя, изменника и убийцы» Бу-

харина! Это он будто бы направляет на ложный путь рабочего Василия, зная, что тот торопится разыскать Ленина, чтобы предупредить его о грозящей ему смертельной опасности. «Ненависть, которую вызывает этот уже уничтоженный враг не уменьшается — всё не умирает Соболев — ненависть перехлестывает из прошлого в настоящее». Неслучайна эта неуклюжая обмолвка: именно ненависть в прошлом к вождям Октября пользуется сейчас долгожданной легальной возможностью, чтобы проявиться — хотя бы на могилах этих вождей Октябрьской революции, находя для этого приют на страницах центрального органа коммунистической партии...

Эта искренняя ненависть сегодня не только легализована, она поощряется сверху и небольшая, но активная группа влиятельных писателей последнего этапа развития всячески подбадривает своих собратьев по перу быть дерзкими и искренними. Так в обращении «К молодым писателям» А. Толстой рекомендует всем начинающим писателям: сегодня — «незачем тащиться по проторенным дорожкам, с ужимками и улыбочками, примеряться, одергивать руку, когда горячо, слушать направо и налево, и так далее, — это не искусство, это ремесло, вредное и бессовестное ремесло». И в качестве иллюстрации своей мысли о необходимости быть дерзкими в обобщениях характерных явлений жизни Толстой ссылается на Достоевского: «Когда Достоевский создал Николая Ставрогина, тип опустошенного человека, без родины, без веры, тип, который через 50 лет предстал перед Верховным судом как предатель, вредитель и шпион, — я убежден, — Достоевский пользовался для этого не столько записными книжками, сколько внутренней уверенностью». Обращение Толстого — целый манифест, политический смысл которого сводится к одной мысли: Дерзните на фундаментальное разоблачение идеологии Октябрьской революции, ведь вожди уж в могиле, бояться-то некого, а со Сталиным столкнемся! Молодые аспиранты — Вирта, бр. Тур, Николай Чуковский — усердно разрабатывают эту золотую «вредительскую» жилу.

Несмотря, однако, на несомненный спрос в верхах общества на эту «вредительскую» литературу, думается, что успех ее преходящ. Верхи общества прежде и больше всего хотят жить. Конечно, нельзя упускать случая, чтобы пнуть ногой в революционное прошлое — этого главного виновника их сегодняшней неустроенности —, но жить этим нельзя, жить надо сегодняшним. И как бы в ответ на эти настроения за последний год появилась целая серия произведений, иллюстрирующая эту неустроенность верхов, тоску общества по нормальной жизни.

Еще два-три года назад казенные «лакировщики» расписывали прелести советской семьи, какая это, мол, вершина по сравнению с буржуазной семьей. А сейчас что ни роман, что ни повесть — можно наперед знать — ее «ведущей» героиней является некая молодая, скучающая жена советского ответственного работника, не выдерживающая своего вечного одиночества. Жена ответственного редактора-коммуниста Наташа в новом романе В. Лосева «Молодой человек» уходит от мужа ни к кому, из протеста против того, что его никогда не бывает дома. Своей приятельнице-стахановке она смущенно жалуется, что не помнит даже, когда муж в последний раз целовал ее! И приятельница ласково-возмущенно пеняет по адресу незадачливого мужа: Ну, можно ли быть таким небрежным «к молодой, хорошенькой женщине!» (Эта

же тема разрабатывается у А. Малышкина «Люди заходустья», у М. Юфит «Зрелость», у Гросмана «Кухарка», у Письменного и т. д.). Эта скачущая жена ответработника словно отчитывает официальных идеологов: Вы все говорите о наших успехах и о том, какая у нас замечательная жизнь, а ведь на самом деле это не так, наши мужья — инженеры, директора, редактора, ответственные работники — так перегружены работой, что у них буквально нет минуты для личной жизни! И эта перегруженность работой — следствие некультурной организации работы! Любопытно, что при сдержанном отношении официальной критики к этой тематике, эти произведения пользуются несомненной популярностью.

Еще знаменательнее другая черта новейшей литературы — сдвиг всей литературы в провинцию. Сдвиг этот так заметен, что он даже ослабил извечную тягу советских героев в Москву. Интерес к провинции — результат того, что за годы пятилеток выросли провинциальные центры. Многие из командированных в провинцию представителей технической интеллигенции, думали сначала, что командировка эта временная, и оставляли даже за собой квартиры в Москве. Но годы шли, новые заводы стали обрастать людьми. В индустриализированной провинции стал складываться новый быт, стало расти самосознание провинциальной интеллигенции, откры-

лись кафе, высшие учебные заведения, универмаги. Процесс этот хорошо подмечен А. Письменным в упомянутом романе «В маленьком городе». Жена инженера Турнаева отчитывает командированного из Москвы «столичного задаваку» Муравьева за его презрение к провинции: «Стахановское движение началось в провинции. Мичурин и Циалковский всю жизнь прожили в провинции. Михаил Шолохов живет и работает в провинции. Весь уголь — это провинция, вся нефть, весь металл. А какое огромное количество замечательных людей! Провинция — это вся страна, за исключением столицы».

Советская литература в своих истоках зародилась в провинции. Но новейший сдвиг в провинцию вовсе не механическое «возвращение ветра на круги своя». Провинция времен начала революции отталкивалась от «пролетарской романтики Октября». И похоже на то, что Октябрьскую революцию завершает сейчас индустриализированная провинция, наименее в прошлом связанная с Октябрем, как с революцией социалистической. Здесь черпают новейшие идеологи и интерпретаторы завершения Октября, как национальной революции, эмоциональный динамизм, здесь же они находят своих героев — по-своему искренних, крепких людей, не любящих «миндальничать», которые и собираются укрепиться в будущем, заставив жить страну «в порядке, в законе»...

А ШТЕИН.

К полувековью Первого Мая

На первом съезде второго Интернационала, собравшемся в Париже 14-го июля 1889 г., было принято решение, ежегодно в день первого мая демонстрировать во всех странах за введение 8-часового рабочего дня, как и за прочие требования Парижского международного конгресса. Инициатива этого решения исходила от французского профессионального движения, внесшего соответствующее предложение. Она была удачно скомбинирована с инициативой американского рабочего союза, решившего уже на своем съезде в декабре 1888 г. в С.-Луи открыть агитацию за введение 8-часового рабочего дня повсеместными манифестациями в день 1-го мая 1890 г.

Следующие международные съезды в Брюсселе (1891 год) и Цюрихе (1893 г.) не только подтвердили решение Парижского конгресса, но и расширили и углубили идею международного рабочего праздника. Особенно характерна в этом отношении резолюция Цюрихского съезда, требовавшая не только прекращения работы в день 1-го мая, но и «манефестации твердого решения рабочего класса путем социального преобразования уничтожить классовые различия и пойти по той единственной дороге, которая ведет к миру внутри каждого народа, как и к международному миру».

Решение Парижского конгресса нашло неожиданно широкий отклик в массах европейского пролетариата. Оно соответствовало той тяге к массовому действию и проявлению международного единства в классовой борьбе, которая была жива в передовых рядах рабочего класса наиболее развитых капиталистических стран Европы. Майские манифестации были символом того сильного порыва широких масс к политической и экономической борьбе, который характеризует 90-ые годы и начало 20-го столетия до наступления мировой войны. И сама борьба за проведение майского празднования — борьба, стоившая немало жертв вследствие тяжелых репрессий со стороны предпринимательских союзов, — лишь сти-

мулировала то широкое массовое движение, которое было связано с идеей первого мая.

Бросая ретроспективный взгляд на 25-летие от Парижского конгресса до начала мировой войны, можно смело утверждать, что идея первого мая, идея единовременного манифестирования воли и лозунгов рабочего класса во всех капиталистических странах, самым могучим образом способствовала расширению и углублению социалистического движения во всех странах. Она была тем цементом, который связал воедино все растущее политическое и экономическое движение в демократических и полудемократических странах и вочию демонстрировал перед широкими пролетарскими массами не только идейное единство международного социализма, но и растущее влияние социалистических партий и профессиональных союзов в политической и экономической жизни каждой отдельной страны. Она одновременно будила революционные силы в странах абсолютизма, особенно в царской России, где под знаменем первомайских лозунгов формировались отряды борцов против политического и экономического гнета и ширилось влияние идей, которые легли в основу Великой русской революции.

Как орудие классовой борьбы, идея первомайского празднования, отвоеванного наперекор бешеному сопротивлению предпринимателей и буржуазного общества, сыграла громадную роль в развитии самосознания широких масс европейского и американского пролетариата. В организационном отношении она способствовала во многих странах росту социалистических партий и профессиональных союзов, одновременно выполняя роль связующего звена между теми и другими. В пропагандистско-агитационном отношении она расширила рамки воздействия на неорганизованные, бессознательные массы, давая возможность повседневную борьбу за экономические, политические и социальные требования связать не только с более далеко идущими

социалистическими требованиями, но и теми гуманитарно - культурными чаяниями и стремлениями, которые живут в душе народных масс. А в международно - политическом отношении производимый 1-го мая смотр сил пролетариата во всех странах, вместе с приуроченным к этому смотру актуальными лозунгами, дал незаменимую возможность координирования сил пролетарских организаций и воздействия их на внешнюю политику отдельных стран.

**

Мировая война приостановила на время охарактеризованное выше органическое развитие международного рабочего движения и провела глубокую борозду по тем представлениям, которые в довоенное время связывались с методами классовой борьбы и формами осуществления социализма. Не только было разбито единство социалистического Интернационала, но чуть ли не в каждой стране рабочее движение раздиралось глубокими внутренними противоречиями и разногласиями, корни которых в значительной степени лежали в неизжитых проблемах мировой войны и послевоенного строительства.

Вновь созданный в 1923 г. Социалистический Интернационал вместе с Международной Федерацией Профессиональных Союзов, ликвидировал этот раскол, по крайней мере в той части международного пролетариата, которая не подпала под влияние Коминтерна. В течение десятилетия, от 1923 до 1933 г., под'ем рабочего движения в главнейших странах Европы шел по той линии, которая была характерна для довоенного времени. Вместе с ним росло и значение майского празднования, особенно в тех странах, в которых вместе с увеличением политического и экономического веса социалистических партий и профессиональных союзов, намечался громадный под'ем культурного строительства пролетарских организаций.

Но этот же процесс продвижения рабочего класса путем мирных реформ вызвал, на почве неокрепшей демократии, недостаточно использованной силы рабочего класса и неразрешенных проблем мировой войны, тот взрыв фашистского «динамизма» в Центральной Европе, который сразу вычеркнул не только все со-

циально-политические достижения 19-го и 20-го века, но и все идейно-политические завоевания 18-го столетия. Если рабочий класс в странах Центральной Европы этим взрывом отброшен в худшие времена раннего капитализма, то сами эти страны стали орудием дикой, необузданной военной агрессии, которая грозит всей Европе и всему миру возвращением к временам Чингис-Хана и Тамерлана.

Значит ли это, что произошел исторический обвал, который стер с лица земли все достижения прежних веков, все завоевания буржуазных революций и столетней борьбы пролетариата за демократию и социализм? Думать так могут только люди, потерявшие в царящей панике всякие исторические масштабы, всякую веру в диалектику исторического развития и в имманентную силу того революционного потенциала, который, под чугунной плитой фашистского бесправия и террора, растет в широких массах германского и итальянского народа.

Да, надо признать, многое, что произошло после воцарения фашизма в Центральной Европе, после разрушения могущественных недавно пролетарских организаций и воздвижения тоталитарной диктатуры над многомиллионной массой германского и австрийского пролетариата, поставило под знак вопроса целый ряд традиционных представлений о формах и методах классовой борьбы и о путях к осуществлению социализма. Над разрешением этих проблем, над ревизией идейного наследия германского и австрийского социализма в революционном направлении, бьется мысль того пролетарского авангарда, который в неимоверно тяжелых условиях работает над восстановлением боеспособности и идейного единства пролетариата в фашизированной Центральной Европе.

Но произведя необходимый идейный пересмотр, революционный авангард в фашистских странах, равно как и социалистический пролетариат демократических стран, не имеет ни малейшего основания «отказаться от наследия», завещанного ему полувековой борьбой международного пролетариата за первомайские идеалы: за единство рабочего класса, за идею классовой борьбы, за социалистическое сознание, за завоевание власти для осуществления социализма.

Заграницей

ПИСЬМО ИЗ ЭСТОНИИ.

«Возвращение к демократии» через новую конституцию подготавливается в Эстонии весьма своеобразно. Еще в сентябре прошлого года министр-президент Эенпалу заявил, что продление военного положения на следующий год уже не нужно, что жизнь будет регулироваться законами. А каким гнетом ложится на широкие слои народа существующий режим, — о том засвидетельствовали прения по бюджету в парламентской комиссии, где даже некоторые сторонники правительства возмущались произволом политической полиции, превратившейся из государственного учреждения в личное орудие министра-президента.

В начале нынешнего года в Таллине был арестован ряд социалистов, в том числе редактор Иоонас, писатель и профсоюзный деятель Нигол Андресен и др. заподозренные в том, что они оказывали помощь латвийским и немецким социалистическим беженцам. Арестованные оставались в заключении от 9 до 27 дней, но суд приговорил лишь Иоонаса к штрафу в 300 крон с заменой 2 месяцами ареста и Андресена к 200 кронам штрафа с заменой 2 месяцами заключения за то, что они снабжали беженцев эстонско-финляндскими пограничными талонами.

Но еще до приговора суда директор полиции выслал Андресена из Таллина на остров Даго (Хиюмаа) и секретаршу гор-

норабочих Иоганну Вееберман, еще два года тому назад высланную из Таллина, в другой округ. Обоим было дано на сборы лишь четыре дня. В вину обоим вменялось противодействие рабочей палате и назначенному правлению федерации профессиональных союзов, стремящимся организовать рабочих на патриотической почве.

Правление федерации профсоюзов было смещено правительством в 1936 году и заменено назначенцами. Во главе назначенного правления стоит бывший социалистический депутат Войман, организовавший через своих чиновников слежку за доверенными лицами свободных профсоюзов, терроризирующий их и представляющий о них регулярные доклады министру внутренних дел. Он уже давно грозил выкинуть различных лиц из рабочего движения: Андресен и Вееберман должны послужить первым примером. Помогает Войману группа Иогансона, секретаря союза больничных касс, и Метсланга, секретаря рабочей палаты.

Так как дело идет в данный момент об «искоренении марксизма» (как выражается Войман) или об «устранении политики» из профсоюзов (как имеют обыкновение говорить г. Метсланг и компания), то понятно, что преследования обрушиваются и на самых умеренных социалистов. Руководителям профсоюзов и фабрично-заводских комитетов не остается ничего другого, как либо приглашать в докладчики людей Иогансона или Воймана и соглашаться с их предложениями,

либо молчать, а то и вовсе быть устраненными. Мало сознательным рабочим-же говорят без церемоний: достичь чего-либо практически можно лишь через любимчиков правительства, «марксисты» (так называют часто объединенных социалистов) сделать ничего не могут.

Запугиваниями правительство старается приобрести влияние на рабочий класс или, по крайней мере, бороться с влиянием социалистов и свободных профсоюзов. Но это ему не удается. Реорганизация профсоюзов на основе нового закона была обещана на начало нынешнего года, но ее пришлось отложить на неопределенное время, так как правительство не добилось еще достаточного влияния, и министр внутренних дел хочет тем временем дальше практиковать политику запугивания.

А между тем недовольство полицейскими методами г. Эенпаду растет даже в кругах, близких правительству. И в буржуазной оппозиции, и среди социалистов крепнет убеждение, что существующая система зашла в тупик, и что в близком будущем возможно известное изменение политики.

ПЕРЕГОВОРЫ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ В С. Ш. А.

Между Социалистической Партией Соединенных Штатов и отколовшейся от нее Социал-демократической Федерацией ведутся переговоры о восстановлении единства. О ходе этих переговоров члены Общепартийного Исполнительного Комитета сделали доклад на Чикагской партийной конференции, в которой участвовали представители нескольких штатов. Согласно этому докладу главные разногласия касаются вопросов войны и милитаризма. Однако, переговоры будут продолжаться, и можно надеяться, что удастся добиться единства на основе общей программы.

Со своей стороны, гг. Эльджернон Ли, Луи П. Гольдберг и И. Миньков, уполномоченные Исполнительным Комитетом Социал-Демократической Федерации для ведения переговоров, публикуют в «Нью Лидер», органе СДФ, от 8 апреля предварительное краткое сообщение о ходе переговоров. В этом сообщении они приводят текст внесенных уполномоченными Социалистической Партии «дополнительных пунктов», в которых СДФ видит «возрождение Троцкистских идей, расколовших партию несколько лет тому назад», и которые и вызвали некоторую заминку в переговорах о восстановлении единства.

«Дополнительные пункты» гласят:

«Опасность для мировой демократии в наше время коренится в упадке капитализма. Капиталистическая политическая реакция в ее фашистской или иных диктаториальных формах может быть побеждена лишь **организованными** силами рабочего класса в прямой борьбе против класса капиталистов, его партий и его государственной машины.

«Ставя себе задачей защищать демократию и содействовать укреплению ее в политической и хозяйственной жизни, С. П. предлагает:

«1) Создание независимой партии труда, отвергающей поддержку каких-бы то ни было капиталистических партий и капиталистических политических групп.

«а) Под руководством партии **социалисты** могут войти в партии труда или другие трудовые политические группировки;

«б) Внутри таких партий и группировок социалисты будут энергично отстаивать программу выставления независимых кандидатов на все посты против всех кандидатов капиталистических партий;

«в) Социалисты будут доказывать, что политика коалирования с так называемыми демократическими капиталистическими партиями или политическими анти-фашистскими группами не может ни ослабить, ни победить фашизм.

«2) Непреклонная оппозиция всем капиталистическим войнам, включая и войны капиталистических демократий против тоталитарных капиталистических государств. Это предполагает в частности:

«а) Отказ от поддержки и организованную оппозицию всякой войне, которую могут вести Соединенные Штаты, в том числе и войне против фашистских держав;

«б) Оппозицию всем военным союзам или простым дипломатическим соглашениям капиталистических наций, имеющим целью санкции против других капиталистических держав;

«в) Оппозицию всякому усилению вооружений в капиталистических странах;

«г) Кампанию за право американского народа решать народным голосованием вопрос об объявлении войны;

«д) Оппозицию попыткам правительства готовить перевод хозяйства на военную ногу на случай войны;

«е) Пропаганду, имеющую целью подготовить профессиональные союзы к сопротивлению фашистской опасности, связанной с войною, боевыми стачками протеста против политики насилия.

«3) Этими политическими задачами и должна определяться направление работы Социалистической Партии по руководству организованными массами. Партия не может рассматривать себя только как избирательную или пропагандистскую организацию; через организованные и дисциплинированные группы социалистов в массовых организациях, действующие под руководством и контролем партии, она должна брать на себя инициативу проведения кампаний и составления программных положений для этих организаций (профессиональных союзов, трудовых партий, фермерских, юношеских и т. д. организаций).

«Для успешного проведения партийной линии в массах партийные учреждения (печать, школы и пр.) должны быть подчинены непосредственному партийному контролю.

«Надо стремиться к организации дисциплинированной, общегосударственной, централизованной партии, предоставляющей отдельным штатам право автономии, но в точно очерченных рамках и не в противоречии с общепартийной политикой.

«Все должностные лица партии и члены ее, занимающие публичные посты, обязаны занимать и публично отстаивать позиции, намеченные партией на общепартийных съездах и сформулированные в ее уставе, принципиальных заявлениях и платформе.

«Точно так же на всех членов партии должна быть возложена обязанность наблюдать и поддерживать внутривнутрипартийную демократию.

«Все местные организации должны вести систематическую пропаганду в духе социализма и официальных позиций партии».

В своем кратком ответе уполномоченные СДФ, в согласии с инструкциями, данными им Исполнительным Комитетом, заявляют, что считают «дополнительные пункты» неприемлемыми даже в качестве основы для дискуссии, так как, «помимо предложений (централистическая организация партии, прямой партийный контроль над различными учреждениями и организация «ячеек» в профессиональных союзах), которые представители СДФ на совместных совещаниях неизменно отклоняли, документ воспроизводит, в несколько измененной фразеологии, те самые взгляды и политические положения, которые были навязаны Социалистической Партии на Детройском съезде. Но эти взгляды и положения СДФ отвергает в 1939 году так же категорически, как она отвергла их в 1934 или 1936 году».

Отметив «необъяснимое противоречие» между положениями, ранее принятыми Исполнительным Комитетом С. П., и нынешними «дополнительными пунктами» к ним и подчеркнув, что противоречие это касается не мелочей и деталей, а самых основ социалистической мысли и социалистического действия, авторы ответа говорят:

«СДФ искренне хочет единства всех, принимающих принципы демократического социализма. Что подразумевается под этим выражением, — сомнения быть не может. Наша концепция демократического социализма публично зафиксирована и была ясно сформулирована в начале работ конференции.

«С другой стороны, СДФ вовсе не желает организационного слияния с элементами, придерживающимися принципов иных взглядов. Такое же-единство могло бы лишь

Demnächst erscheint:

ROSA LUXEMBURG GEDANKE UND TAT

von

PAUL FRELICH

Umfang ca 320 Seiten, illustriert mit z.T. unbekanntem Bildern.

SUBSKRIPTIONSPREISE (bis zum 15. Mai):

FUER FRANKREICH: kart. 38 Frs statt 48, gebd. 52 Frs statt 65.

FUER AUSLAND: kart. 4,80 schw. Frs, statt 6, gebd. 6,40 schw. Frs statt 8.

EDITIONS NOUVELLES INTERNATIONALES
Boîte Postale 30, rue Singer, Paris (16°)

обострить разногласия между организованными фракциями, раздражившие С. П. после Детройта.

«Разумеется, ваше дело, а не наше, определить, какую из двух концепций С. П. принимает на деле, или констатировать, что в ней нет единства взглядов по этим вопросам. Пока в этот пункт не будет внесена ясность, созывать новые совместные совещания кажется нам бесполезным».

«В ожидании сообщений о дальнейших намерениях» своих контрагентов из С. П., авторы ответа сообщают, что письмо их будет дополнено «изложением социалдемократической позиции, сводящим воедино все вопросы, дискутировавшиеся по одиночке, и могущим быть полезным для сопоставления взглядов вашей организации и нашей».

Дальнейшие сведения о переговорах по восстановлению социалистического единства обещаны в следующем номере «Н. Л.». Имея в виду громадный интерес этих переговоров с точки зрения и американского, и международного социалистического движения, мы будем держать в курсе наших читателей.

НОВАЯ ПРОГРАММА НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

В январе нынешнего года был опубликован проект программы, выработанный особой комиссией, назначенной ровно год тому назад.

Особо радикальных изменений в старую программу новый проект не вносит. В принципиальной части программы говорится между прочим:

«Экономические отношения, в первую очередь — организация производства и права собственности, определяют собою противоречия классовых интересов и распределение политической власти в обществе. Новые формы производства и права собственности влекут за собою новое распределение власти и изменение социальных, политических и культурных условий общества. Это соответствует марксистскому пониманию истории».

«...Экономические отношения капитализма породили условия, делающие в возрастающей мере необходимым органическое сотрудничество в направлении планируемого хозяйства и постепенной социализации крупной промышленности, внешней торговли, крупных частных банков и транспорта...»

«1. ...Во всех капиталистических странах экономическое развитие породило одни и те же классовые противоречия и социальные проблемы, приведшие к обострению борьбы за политическую власть. Международное рабочее движение стремится объединить рабочих для защиты их общих интересов и демократии и для политической борьбы за контроль над обществом. Норвежская Рабочая Партия, примыкающая к Рабочему Социалистическому Интернационалу, чувствует себя связанной узлами солидарности с социалистическими партиями других стран и будет активно поддерживать борьбу за международное воссоединение всех трудящихся».

«2. Политика и тактика социалистического рабочего движения должна приспособляться к условиям отдельных стран и к опыту, вынесенному из последних событий. Норвежское рабочее движение относится с симпатией к работе русского народа над построением нового и лучшего общественного строя, но не принимает политики Коммунистического Интернационала, вытекающей из русских условий и определяемой национальными интересами Советского Союза. В борьбе против фашизма дело идет, прежде всего, о защите демократии всеми средствами организации и, следовательно, о защите свободы организации и элементарных человеческих прав».

«3. Капитализм и фашизм толкнули народы в жестокие политические и экономические кризисы и острые национальные и социальные противоречия, создали тем самым крайне небезопасное положение для малых народов и вызвали новую рьяную скачку вооружений и грозную военную опасность. Международное рабочее движение, борющееся за сокращение вооружений, за мир и согласие между всеми народами и расами, поддерживает Лигу Наций и делает все для превращения ее в мощную организацию международного права и мирного разрешения всех антагонизмов. Но милитаризм и война неразрывно связаны с самой капиталистической системой; только завоевание власти рабочими и осуществление социализма может создать длительные хорошие отношения между народами и обеспечить дальнейшее мирное и гармоническое развитие всего человечества и мировой цивилизации».

ПОЗИЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ.

По этому вопросу, поднятому во французской буржуазной печати, орган наших итальянских товарищей во Франции «Нуово Аванти» говорит:

«Политическая эмиграция является людским резервуаром на предмет будущей политической и социальной борьбы в Италии. Физически мы живем за-границей, но все связыва-

ет нас неразрывно с судьбами нашей страны и нашего народа. Мы живем за-границей, чтобы служить нашей стране и делу свободы и социализма».

«Вопросы, поднятые Пьером Домиником и другими журналистами, существуют для нас в другом разрезе. Мы рассматриваем их не с французской, а с итальянской точки зрения. Эти две точки зрения могут совпадать, как совпали стремление к восстановлению итальянской свободы и защита испанской республики. Именно поэтому многие из нас, как истинные представители итальянского народа, сражались в Испании и сложили там свои головы».

«Сейчас раздаются против Франции угрозы итальянского фашизма, опирающиеся на требования, за которыми мы никогда не признавали и не признаем сколько-нибудь правового характера. Если бы вспыхнула война, мы не стали бы укрываться за гнилыми отговорками. Борьбы против фашизма и сопротивления фашизму мы требовали и требуем не затем, чтобы самим извлечь пользу, а затем, чтобы принять участие в опасностях и жертвах. Мы будем расплачиваться своей кровью».

«Но мы будем расплачиваться во имя Италии и ее интересов, попираемых ногами фашизма; мы будем расплачиваться во имя социализма и его общих интересов».

50-ЛЕТИЕ ШВЕДСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

23 апреля наши шведские товарищи праздновали 50-летие своей партии, сумевшей занять такое видное место в государственной и общественной жизни Швеции и уже много лет подряд возглавляющей ее правительство.

Зграничная Делегация нашей партии послала нашим шведским товарищам, не раз оказывавшим деятельную поддержку российской социалдемократии, горячую приветственную телеграмму за подписями тт. Р. Абрамовича и Ф. Дана.

Рабочий Социалистический Интернационал был представлен на юбилейных торжествах т. Леоном Блюмом.

Зигфрид ГАНСОН

25-го марта скончался в Стокгольме от болезни сердца в возрасте 54 лет один из самых выдающихся представителей шведского рабочего движения Зигфрид Гансон. Человек блестящих способностей и исключительного трудолюбия, Гансон, квалифицированный строительный рабочий по своей первоначальной профессии, очень рано выдвигается в шведском рабочем движении и уже в возрасте 27 лет избирается в верхнюю палату шведского парламента, в котором он посвящает себя преимущественно вопросам социального законодательства. В 1920 году Гансон принимает на себя руководство центральным органом шведского профессионального движения «Факференингререльсен», который вскоре становится одним из лучших органов во всей международной профсоюзной прессе. Гансон был просветителем, реформатором и строителем по всему своему душевному складу, и эти его замечательные особенности сказались в работе его и в качестве редактора, и в качестве парламентария, и в качестве организатора и руководителя высшей школы профессионального движения. Автор превосходной истории шведского профессионального движения и ряда других работ, Гансон в 1936 году был избран почетным доктором Упсальского университета. В конце того же года он оставил редакцию «Факференингререльсен», чтобы взять на себя руководство главным управлением социальной политики, высшим социально-политическим органом в стране, аналогичным министерству труда в других странах, но занимающим более высокое и в известной мере самостоятельное по отношению к правительству положение. Тяжелая болезнь рано оборвала нить этой прекрасной жизни.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

По России

ОСУЩЕСТВЛЕНА ЛИ ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА?

Никогда еще съезды ВКП не отличались такой бесцветностью, как недавний 18-ый съезд. Сталинский деспотизм убил всякую, хотя бы и строго «деловую» критику и лишил прения на съезде почти всякого содержания. Даже и считавшаяся одно время почти обязательной «самокритика» оказалась сейчас уже непереносной и съезд в сущности проходил под знаком «лакировки». Должность начальника стахановского лакировального цеха исполнял на съезде Молотов, доклад которого о 3-ей пятилетке был построен на повторявшейся на все лады мысли о блестящем выполнении и перевыполнении второй пятилетки. Восторженный обозреватель «Правды» свел эту мысль к краткой общей формуле: «Действительность оставила позади самые лучшие, самые смелые планы большевиков». Это был лейт-мотив и всех прений по докладу Молотова, которые закончились единогласным принятием резолюции, подчеркивающей, что

«...Вторая пятилетка выполнена **промышленностью** к 1-му апреля 1937 года, т. е. в 4 года и 3 месяца... Вторая пятилетка по перевозкам **железнодорожного транспорта** с превышением выполнена в 4 года. Переволнены также важнейшие задания второй пятилетки по **продукции сельского хозяйства**: по зерну и хлопку».

Но так ли это? К сожалению, «Справочник по итогам второй пятилетки», розданный делегатам съезда и неосторожно упомянутый в речи одного из участников съезда (московского делегата Пальцева, «Правда» от 17-го марта), остался тайной для широкой публики, и даже специальная печать лишь очень скупо и отрывочно сообщает об итогах второй пятилетки и тщательно избегает всякого сколько-нибудь серьезного анализа этих итогов. Но как ни скудны проникшие в печать сведения, они все же делают не безнадежной попытку общей оценки действительных итогов второй пятилетки.

1. Промышленность.

Когда говорят о выполнении и перевыполнении второй пятилетки, прежде всего имеют в виду промышленность. Промышленная продукция должна была достигнуть в 1937 году — «в неизменных ценах 1926/27 годов» — 92,7 миллиардов рублей, в действительности же достигла, по данным Молотова, 95,5 млрд. р. План как будто оказался таким образом перевыполнен на 3%. Это было бы неплохо. Но присмотримся ближе, из каких элементов складывается это перевыполнение. Сопоставим данные доклада Молотова с данными 2-го пятилетнего плана (в млрд. рублей по ценам 1926/27 гг.); те и другие данные относятся к 1937 году:

	План	Исполнение	% исполн.
Производство средств производства	45,5	55,2	121,3
в том числе по машиностроению и металлообработке	19,5	27,5	141,0
по химич. промыш.	5,5	5,9	107,3
Производство предметов потребления	47,2	40,3	85,4

Значительное перевыполнение плана по производству средств производства сопровождается резким **недовыполнением плана по производству предметов потребления**. Уже это одно в сущности не позволяет говорить об исполнении плана. Но оставим в стороне этот, может быть, несколько формальный вопрос. Присмотримся ближе к как будто наиболее преуспевающим отраслям промышленности — машиностроению и металлообработкой и химической промышлен-

ности —, на долю которых приходится почти весь прирост производства средств производства (8,4 млрд. р. из общего прироста в 9,7 млрд.). Что за этим стоит реально?

По **машиностроению и металлообработке** в докладе Молотова приводятся данные о производстве в 1937 г. — в **натуральном**, а не в ценностном выражении — лишь для четырех предметов (станков, локомотивов, вагонов и автомобилей), кроме того в мартовской книжке «Планового Хозяйства» сообщаются данные для 1937 г. еще о двух видах машин (паровых котлов и ватеров, т. е. прядильных машин). Приведем эти данные, сопоставив их с планом второй пятилетки на 1937 год*):

	План	Исполн.	% исполн.
Станки металлорежущие (в тыс. шт.)	40,0	36,0	90,0
Паровозы магистральные (в переводе на услов. «Э» и «СУ» в штуках)	2.800	1.581	56,5
Вагоны товарные (в 2-хосном исчислении в тыс. штук)	118,4	58,8	49,7
Автомобили (в тыс. штук)	200	200	100
Котлы паров. (в тыс. кв. м.)	385	170,4	44,3
Ватера (в штуках)	6.500	659	10,1(1)

Таким образом по машиностроению итоги исполнения второй пятилетки оказываются — за единственным в нашей таблице исключением автомобилестроения — крайне неудовлетворительными. Где уж тут говорить о перевыполнении плана по машиностроению? Громадный прирост общего итога по машиностроению и металлообработке в ценностном выражении**) объясняется, очевидно, очень значительным расширением производства таких предметов, которые не показываются в статистике и о природе которых догадаться не трудно. Но называть это исполнением плана по промышленности в целом или хотя бы плана по производству средств производства более, чем смело: о производственном значении военной продукции, как она, может быть, сама по себе ни необходима, говорить не приходится.

Такой же, хотя и несколько менее резко выраженный иллюзией является и перевыполнение плана по **химической промышленности**. У Молотова не приводятся никаких данных об осуществлении плана по химической промышленности в натуральном выражении. И тут нам приходит на помощь мартовская книжка «Планового Хозяйства». Мы находим здесь данные о производственных итогах 1937 г., сравнимые с данными второй пятилетки, по трем предметам***):

*) В «Плановом Хозяйстве» приводятся тут же данные о производстве в 1937 г. локомотивов и трансформаторов, но данные эти не сравнимы с данными второй пятилетки, так как локомотивы показаны во второй пятилетке в штуках, а сейчас показываются по числу лошадиных сил, а для трансформаторов во втором пятилетнем плане вообще нет данных. В отношении более поздней программы на 1937 г. («Народно-хозяйственный план СССР на 1937 г.») исполнение по локомотивам достигло лишь 52,8%, по трансформаторам 68,6%.

**) Мы не касаемся сейчас вопроса о степени точности этого «выражения», особенно сомнительного в отношении машиностроения: как в самом деле исчислять «в ценах 1926/27 г.» современную продукцию машиностроительной промышленности, когда очень значительная часть этой продукции в 1926/27 г. в Советском Союзе не производилась?

***) Кроме того в «Плановом Хозяйстве» приводятся несравнимые с планом второй пятилетки, но сравнимые с «Народно-хозяйственным планом на 1937 год» данные по апатитовому концентрату (исполнение 92,6%) и по пластическим массам (исполнение 88,7%).

	План	Исполн.	% исполн
Суперфосфат (в тыс. тонн.)	3.000	1.432	47,7
Сода кальцинир. (в тыс. тонн)	700	529	75,6
Обувь резин. (в млн. пар)	100	84,6	84,6

Каково же исполнение второго пятилетнего плана по остальным отраслям промышленности? В докладе Молотова имеются, кроме приведенных выше, данные о производстве в 1937 г. в натуральном выражении по 10 средствам производства и 6 предметам потребления. Сопоставим эти данные — за одним исключением *) — с планом второй пятилетки на 1937 год:

	План	Исполн.	% ис олн
Электроэнергия (в млрд. квт/ч)	38,0	36,4	95,8
Каменный уголь (в млн. тонн)	152,5	127,3	83,5
Нефть с газом (в млн. тонн)	46,8	30,5	65,2
Торф (в млн. тонн)	25,0	23,8	95,2
Чугун (в млн. тонн)	16,0	14,5	90,6
Сталь (в млн. тонн)	17,0	17,7	104,1
Цемент (в млн. тонн)	7,5	5,5	73,3
Вывозка деловой древесины (в млн. куб. м.)	170,0	111,3	65,6
Пиломатериалы (в млн. куб. м.)	43,0	28,8	67,0
Бумага (в тыс. тонн)	1.000	831,6	83,2
Хл.-бум. ткани (в млн. м.)	5.100	3.442,4	67,5
Шерст. ткани (в млн. м.)	220	105,1	47,8
Обувь кожаная (в млн. пар)	180	164,2	91,2
Сахар-песок (в тыс. тонн)	2.500	2.421	96,8
Консервы (в млн. услов. банок)	2.000	873	43,7

За редчайшими исключениями — сталь и (см. выше) автомобили — программа производства, намеченная второй пятилеткой на 1937 год, оказалась невыполненной; по нефти, по хлопчатобумажным тканям, по деловой древесине программа выполнена всего на 2/3, по некоторым отраслям промышленности, в том числе по некоторым чрезвычайно важным отраслям машиностроения (см. выше), даже менее, чем на половину.

За редкими исключениями план второй пятилетки на 1937 год оказался не выполненным и в 1938 г., т. е. в первом году третьей пятилетки. По **углю** добыча в 1938 г. достигла лишь 132,9 млн. тонн (Каганович на 18-ом съезде ВКП, «Правда» от 17-го марта), т. е. 87,1% плана второй пятилетки на 1937 год. По **черной металлургии**, судя по данным о размерах невыполнения плана на 1938 г., оглашенным на съезде наркомом черной металлургии Меркуловым («Правда» от 18-го марта), производство чугуна достигло в 1938 г. 14,8 млн. тонн, производство стали 18,7 млн. тонн, производство проката (с трубами и поковками) почти 13,7 млн. тонн. Таким образом по стали план второй пятилетки (на 1937 г.) перевыполнен в 1938 г. на 10%, по прокату только-только выполнен, а по чугуну до сих пор не достигнут уровень производства, намеченный второй пятилеткой для 1937 года.

По остальным отраслям промышленности в нашем распоряжении еще нет данных о производственных итогах 1938 года, но при громадном отставании большинства отраслей промышленности от плана второй пятилетки в 1937 году и сравнительно небольших сдвигах в 1938 году можно с уверенностью сказать, что и **сейчас еще по громадному большинству отраслей промышленности не достигнут уровень,**

*) В нашей таблице не показаны данные о **прокате**, так как в таблицах второй пятилетки данные о прокате показаны без труб и поволоков из слитков, а в таблице Молотова, как это принято с 1937 г., приводятся данные о производстве проката в 1937 г., включая трубы и поковки из слитков. Разница между теми и другими данными, судя по «Народно-хозяйственному плану на 1937 г.», колеблется от 4,8 до 5,0%. Вторая пятилетка предусматривала производство проката в 1937 г. (без труб и поволоков) в количестве 13 млн. тонн, т. е. предположительно с трубами и поковками 13,64 млн. тонн. Производство проката с трубами и поковками достигло в 1937 г., по Молотову, 13 млн. тонн, т. е. 95,3% плана.

намеченный второй пятилеткой для 1937 года. Больше того: неблагоприятные итоги второй пятилетки заставили авторов третьего пятилетнего плана по ряду отраслей промышленности даже для 1942 года наметить размеры производства почти не поднимающиеся над уровнем, наметившимся второй пятилеткой для 1937 года, а то даже и не достигающие этого уровня. Оставаясь в рамках номенклатуры Молотовской таблицы, приведем наиболее поразительные данные (единицы измерения см. выше):

	План 1937 г. (2-я пятилетка)	План 1942 (3-я пятилетка)	1932 к 1937 в %
Паровозы магистральные	2.800	2.340	83,6
Вагоны товарные	118,4	120	101,4
Хлопчатобумажные ткани	5.100	4.900	96,1
Шерстяные ткани	220	177	80,5

Останавливаясь на вопросе о выполнении второй пятилетки по промышленности, необходимо хотя бы бегло коснуться еще одной проблемы. Первая пятилетка была пятилеткой построения производственного аппарата. Если в начале первой пятилетки производство средств производства в общей сумме промышленной продукции значительно отставало от производства предметов потребления, то уже в 1932 году на долю производства средств производства приходилось 53,3% всей промышленной продукции, на долю предметов потребления 46,7% (в ценах 1926/27 гг.). Вторая пятилетка должна была ознаменоваться поворотом в сторону усиленного развертывания производства предметов потребления, и в 1937 году доля производства предметов потребления в общей сумме промышленной продукции должна была подняться до 50,1%. В этом повороте к расширенному удовлетворению потребностей населения должен был найти свое выражение, как это неоднократно подчеркивалось, особенно в заграничной «дружественной» прессе, **социально-прогрессивный характер** второй пятилетки. Но то, что произошло в действительности, опрокинуло все эти оптимистические расчеты. Вместо того, чтобы подняться к концу второй пятилетки до 50,1%, доля производства предметов потребления упала в 1937 г. до 42,2%, т. е. гораздо ниже своего исходного уровня. Заметим мимоходом, что эта антисоциальная тенденция за годы третьей пятилетки должна еще усилиться, и в 1942 году доля производства предметов потребления в общей сумме промышленной продукции должна опуститься до 37,8%.

2. Сельское хозяйство.

В сельском хозяйстве особенно благоприятны итоги второй пятилетки по зерновым культурам и по хлопку. Сталин сообщил на съезде ВКП, что валовой сбор **зерна** достиг в 1937 г. 1.202,9 миллионов центнеров, валовой сбор **хлопка** — 25,8 млн. цент. Приведенные Сталиным цифры сбора зерновых, может быть, несколько «завышены» (они противоречат другим данным), но сбор зерновых в 1937 г. план второй пятилетки (1.048 млн. цент.) во всяком случае превысил. Но в сельском хозяйстве оперировать данными одного года для характеристики итогов развития определенного периода представляется крайне рискованным: 1937 год резко выдвинулся высоким урожаем, а в 1938 г. сбор зерна, даже по оптимистическим данным Сталина, достиг лишь 949,9 млн. цент., т. е. оказался на 21,0% ниже сбора предыдущего года и на 9,4% ниже плана второй пятилетки на 1937 год. Благоприятнее итоги по хлопку: после высокого урожая 1937 г., достигшего 121,4% плана второй пятилетки на 1937 год, урожай хлопка в 1938 г. поднялся еще выше: до 26,9 млн. цент. Это, повидимому, наиболее окрепшая за последние годы отрасль советского сельского хозяйства.

Но по всем остальным отраслям сельского хозяйства итоги второй пятилетки гораздо менее благоприятны или даже про-

сто неблагоприятны. По сахарной свекле вторая пятилетка намечала на 1937 год сбор в количестве 276 млн. цент., собрано же, по Сталину, 218,6 млн. цент., т. е. 79,2% плана, а в 1938 году даже только 166,8 млн. цент. По льну вместо 8 млн. цент. по плану второй пятилетки на 1937 год собрано было 5,7 млн. цент., т. е. 71,3% плана, а в 1938 г. опять-таки еще меньше: 5,46 млн. цент. О подсолнухе, кормовых, овощно-картофельных культурах и пр. до сих пор данных не опубликовано. Это тревожный признак.

И уже совсем не приходится говорить об осуществлении плана второй пятилетки по животноводству. Здесь расхождение между планом и действительностью оказалось значительным по всем статьям (данные для 1937 г.):

	План (в миллион г. голов)	Исполне- ние	% исполн.
Лошади	21,8	16,7	76,6
Крупн. рогатый скот	65,5	57,0	87,0
Свиньи	43,4	22,8	52,5
Овны и козы	96,0	81,3	84,7

Вся продукция сельского хозяйства — по полеводству и животноводству вместе — должна была достигнуть в 1937 году, согласно плану второй пятилетки, 26,2 млрд. рублей (в ценах 1926/27 г.), но достигла — при исключительно высоком сборе зерновых — лишь 20,1 млрд. рублей, т. е. 76,7% плана. При резком ухудшении итогов по полеводству в 1938 году, недостаточно компенсируемом улучшением состояния животноводства, вторая пятилетка по сельскому хозяйству до сих пор остается осуществленной никак не более, чем на три четверти.

3. Транспорт.

По транспорту картина итогов второй пятилетки еще быстрее, чем по сельскому хозяйству. Приведем прежде всего данные по грузообороту (в миллиардах тонно-километров):

	План 1937 г. по пятил.	Исполнено	% исполне- ния плана
Железные дороги	300	355	118,3
Речной транспорт	63	33	52,4
Морской транспорт	51	37	72,5
Автотранспорт	16	8	50,0
Всего	430	433	100,7

При громадном отставании водного (особенно речного) и автотранспорта план грузооборота в целом выполнен благодаря перевыполнению плана по железнодорожному транспорту. Но достигнуто это было в несколько необычной обстановке. Выше мы уже видели, как значительно отстало от плана производство локомотивов и вагонов. Но железные дороги не только не получили намеченного в пятилетнем плане количества локомотивов и вагонов; отстало и строительство новых путей (за пять лет 3.000 километров вместо намеченных 11.000, т. е. довольно скромный план выполнен всего на 27,3%), и укладка вторых путей, и электрификация железнодорожного транспорта. Перевыполнение программы по грузообороту достигнуто в этих условиях чрезвычайной — и нездоровой — перегрузкой железных дорог. Об этом с плохо скрытой тревогой говорили на съезде ВКП Каганович и Молотов. «Транспорт работает с напряжением... Грузонапряженность наших железных дорог на много превышает грузонапряженность дорог Европы и Америки» (Каганович). «Необходимо дальнейшее значительное усиление технической базы железно-дорожного транспорта. Нагрузка на один километр пути на железных дорогах у нас относительно высокая. Так, на железных дорогах США на один километр пути годовая нагрузка составляет 1,9 миллионов тонн грузов, а у нас уже в конце второй пятилетки она со-

ставляла 4,2 миллиона» (Молотов). На этот раз это уже совсем не звучало, как «достижение». Так начинает все отчетливее вырисовываться оборотная сторона той «борьбы с предельческими настроениями», на которой построил свою железнодорожную карьеру Каганович.

4. Социальная программа.

В рамках настоящего обзора мы можем лишь бегло коснуться вопроса об осуществлении социальной программы второго пятилетнего плана. Вторая пятилетка намечала для 1937 года повышение средней заработной платы — номинальной на 26%, реальной даже на 96%, т. е. почти вдвое. В действительности средняя номинальная заработная плата поднялась в 1937 году по сравнению с 1932 годом на 113,5%, т. е. более, чем вдвое. Программа второй пятилетки оказалась в этом пункте гигантски перевыполненной. Ну, а программа повышения реальной заработной платы? Об этом деликатном вопросе «вожди» хранят гробовое молчание — и с полным основанием: нельзя же ожидать от них признания в своем банкротстве (см. статью «Заработная плата на пороге третьей пятилетки» в предыдущем номере «С. В.»).

Но если резкое повышение реальной заработной платы, обещанное во втором пятилетнем плане, оказалось мифом, то намеченное при этом громадное повышение производительности труда стало фактом. «Производительность труда в промышленности за вторую пятилетку увеличилась на 82% против 63% по плану, а в области строительства производительность труда за этот период увеличилась на 83% против 75% по второму пятилетнему плану» (из постановления 18-го съезда ВКП о третьей пятилетке). Если даже отнестись с некоторым скептицизмом к этим данным, факт резкого повышения производительности труда за годы второй пятилетки вне сомнения. Но, согласно второму пятилетнему плану, резкое повышение уровня производительности труда должно было сопровождаться и, конечно, в значительной мере обуславливаться значительным повышением уровня реальной заработной платы. В действительности же произошло нечто принципиально иное: уровень производительности труда резко поднялся (в значительной мере благодаря увеличению интенсивности труда), но хотя бы о приблизительно таком же повышении уровня реальной заработной платы нет и речи.

О яслях, детских домах, больницах, домах отдыха, санаториях и пр. и о развитии всех этих учреждений за годы второй пятилетки мы еще, может быть, будем иметь случай побеседовать с нашими читателями. Сейчас остановимся еще лишь на одном вопросе, неразрешенность которого особенно больно чувствуется широкими слоями городского трудящегося населения. Это жилищный вопрос. За годы второй пятилетки должно было быть сдано в эксплуатацию в городах и рабочих поселках 64 миллиона кв. м. новой жилой площади, что привело бы к увеличению средней жилплощади с 4,66 кв. м. в 1932 году до 5,35 кв. м. в 1937 г. Это значит, что даже при осуществлении жилищно-строительной программы второй пятилетки средняя жилищная норма городского населения оставалась бы в сущности голодной, а при уже сейчас резко выраженной и быстро растущей дифференциации в пользующейся жилплощадью громадные массы городского трудового люда даже почти не заметили бы, может быть, улучшения их жилищных условий. Но и эта программа осталась неосуществленной. В действительности сдано в эксплуатацию за годы второй пятилетки не 64, а лишь 26,8 миллионов кв. метров новой жилой площади (Молотов), т. е. программа жилищного строительства оказалась осуществленной лишь на 41,9%. И даже на третью пятилетку намечается дальнейшее увеличение жилищной площади в городах и рабочих поселках лишь на 35 миллионов кв. метров; это значит, что намеченная вторым пятилетним планом программа жилищного строительства останется не осуществленной даже к концу третьей пятилетки.

**

Осуществлена ли вторая пятилетка? От этой официальной легенды не остается ничего. Но это не значит, конечно, что за годы второй пятилетки страна топталась на месте. Экономический рост страны вне сомнения. Но рост этот не отвечает ни громадным жертвам и лишениям — большим, чем это было намечено второй пятилеткой, — которые переносит население во имя экономического подъема страны, — ни чрезвычайному напряжению трудовой энергии многомиллионных рабочих масс, напряжению, опять-таки большему, чем это намечала вторая пятилетка. О причинах это-

го несоответствия у нас не раз писалось. Сейчас можно на них не останавливаться.

С. Ш.

ПОПРАВКА.

При верстке № 6 «Социалистического Вестника» в обзоре «ВКП на 18-ом съезде» выпали две строки, что привело к искажению текста. Исправленный текст таков (стр. 79, столбец 2-ой, несколько выше середины):

Приведем лишь наиболее поразительные данные по Московской области. Из 6.556 колхозов области только в 304 имеются первичные партийные организации; есть такие районы в Московской области, как Солнечногорский с 213 колхозами или Волоколамский с 292 колхозами, где нет ни одной колхозной первичной партийной организации.

ИЗ ПАРТИИ

ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ Ю. О. МАРТОВА
И П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Апрель для нашей партии — траурный месяц поминовения ее незабвенных строителей и учителей. 4 апреля исполнилось уже 16 лет со дня смерти Мартова, 17-го — 11 лет со дня смерти Аксельрода, но память о них живет в наших рядах, идеи их продолжают вдохновлять российских социал-демократов и служить им путеводной звездой на их тернистом пути.

В связи с годовщиной смерти Ю. О. Мартова мы помещаем в этом номере фельетон т. Г. Я. Аронсона, напоминающий об одном эпизоде из жизни почившего вождя нашего, — эпизоде, которому личность тогдашнего антагониста Мартова придает своеобразный интерес современности: ведь, антагонист этот не кто иной, как Сталин, в котором в то далекое время никто (да, вероятно, и он сам) и не подозревал будущего «величайшего гения всех времен и народов»!

Постановление Заграничной Делегации РСДРП (3 марта 1939 г.)

В виду тяжелого финансового положения «Социалистического Вестника» Заграничная Делегация постановляет:

1. — Предложить всем членам партии и групп содействия внести в фонд «С. В.» **чрезвычайный взнос в размере, равном 5% месячного заработка, но не меньше 50 фр.** В случае безработицы этот взнос, по соглашению с секретариатом партии, может быть понижен или отменен.
2. — Предложить всем группам содействия, а также отдельным лицам партии организовать **специальный трехмесячный сбор** в фонд «Социалистического Вестника».
3. — Организовать, где это возможно, **доклады или вечеринки**, предоставив доход с них в фонд «Соц. Вестника».
4. — **Отменить** во всех случаях, кроме самых исключительных, **посылку «С. В.» без оплаты.** Безработным «С. В.» будет посылаться впредь за половину платы.

Секретарь З.Д. Р.С.Д.Р.П. А. ЮГОВ.

20 марта начался сбор в фонд «Социалистического Вестника». Лица, не получившие книжку для сбора и желающие принять участие в сборе, могут обратиться в контору «Социал. Вестника» (141, rue Broca, bât. 11) в часы приема или по телефонам: Rog. 05-25; Van. 35-63.

На собрании Парижской Группы Содействия РСДРП, 7 апреля 1939 г., А. Юговым, секретарем Загр. Делегации РСДРП,

был оглашен первый отчет по сборам в фонд «Социалистического Вестника».

Чрезвычайный взнос: поступило по 7 апреля	4.325 фр.
Экстренный сбор: поступило по 7 апреля	2.050 фр.
Всего по 7 апреля 1939 г.	6.375 фр.

Прием чрезвычайного взноса и сборы по книжкам продолжают.